

ИЗВѢСТІЯ

состоящаго подѣ ВЫСОЧАЙШИМЪ ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА
покровительствомъ

**Русскаго Комитета для изученія Средней и Восточной
Азіи въ историческомъ, археологическомъ, лингви-
стическомъ и этнографическомъ отношеніяхъ.**

Содержаніе: Извлеченіе изъ протоколовъ. — Отчетъ за 1907 г. — Отчеты: К. Г. Зале-
мана о поѣздкѣ въ Туркестанъ. — А. Н. Самойловича о поѣздкѣ въ Ташкентъ,
Бухару и Хиву. — Ф. В. Муромскаго о поѣздкѣ въ Кульджинскій край. — С. Е.
Малова о поѣздкѣ въ Томскую губ. — Б. Владиміръцова о командировкѣ къ
дербѣтамъ Кобдинскаго округа. — Ю. Мессароша, члена Венгерскаго Комитета,
о поѣздкѣ къ чувашамъ и приволжскимъ татарамъ. — Б. В. Долбежева о поѣздкѣ
къ развалинамъ Бишбалыка.

ИЗВЛЕЧЕНІЕ

изъ протоколовъ засѣданій Русскаго Комитета для изученія Средней и
Восточной Азіи въ историческомъ, археологическомъ, лингвистическомъ
и этнографическомъ отношеніяхъ.

I.

(Засѣданіе 9 февраля 1908 г.)

1. Доложено письмо г. товарища министра внутреннихъ дѣлъ на
имя предсѣдателя отъ 12 декабря 1907 г. о назначеніи въ Комитетъ
представителемъ отъ министерства внутреннихъ дѣлъ д. ст. сов. кн.
С. А. Вяземскаго.

Сообщая объ этомъ назначеніи, предсѣдатель привѣтствовалъ
новаго члена Комитета.

3. Доложено о выходѣ въ свѣтъ № 7 «Извѣстій» Комитета.

5. Доложено отношеніе непремѣннаго секретаря Академіи Наукъ
отъ 19 января съ выраженіемъ Комитету признательности Академіи
за принесеніе въ даръ Азіатскому музею коллекціи фонограммъ, за-
писанныхъ въ Туруханскомъ краѣ у енисейцевъ В. И. Анучинымъ,
коллекціи тибетскихъ и монгольскихъ книгъ, привезенной Б. Б. Ба-
радинымъ, и нѣкоторыхъ другихъ печатныхъ сочиненій.

6. Доложены: отчетъ о дѣятельности Комитета за 1907 годъ (см. приложение I) и отчетъ о расходованіи денежныхъ средствъ Комитета въ томъ же году (см. приложение II).

7. К. Г. Залеманъ прочиталъ отчетъ избранной Комитетомъ въ засѣданіи 10 декабря ревизіонной комиссіи (см. приложение III).

По предложенію С. Θ. Ольденбурга опредѣлено: утвердить представленные отчеты и выразить, какъ бюро, такъ и ревизіонной комиссіи, признательность Комитета за ихъ дѣятельность.

8. С. Θ. Ольденбургъ сообщилъ, что совѣтъ И. Р. Географическаго Общества единогласно присудилъ Б. Б. Барадину за географическія и этнографическія изслѣдованія въ Тибетѣ, произведенныя имъ по порученію Комитета, денежную премію имени Н. М. Пржевальскаго.

9. Комиссіей, избранной въ засѣданіи Комитета 10 ноября 1907 г. для разсмотрѣнія вопроса о мѣрахъ, посредствомъ которыхъ могли бы быть сохранены для науки архитектурные памятники г. Самарканда, былъ представленъ слѣдующій докладъ:

«Обсудивъ вопросъ о мѣрахъ къ сохраненію самаркандскихъ мечетей, наша комиссія пришла къ заключенію, что и по существу дѣла и по задачамъ нашего Комитета имѣется только одно доступное средство, это — продолженіе начатаго уже дѣла по снятію чертежей, рисунковъ, фотографій съ мечетей и производству точныхъ обмѣровъ зданій. Подобная задача исполнена относительно древнѣйшихъ и главнѣйшихъ мечетей (Биби-ханымъ, Гуръ-эмиръ, Шахъ-зиндѣ и заканчиваются чертежи мечети Ахмеда Ясави въ г. Туркестанѣ на средства, отпущенныя Комитетомъ); слѣдующая очередь была бы за мечетями на Ригистанѣ (Тилля-кари, Ширъ-даръ и Улугъ-бекъ) и за мечетью на дровяномъ базарѣ — Рухъ-абадъ. Изъ нихъ наибольшая опасность угрожаетъ мечети Рухъ-абадъ, куполъ которой послѣ землетрясенія 8 октября 1907 г. обвалился, и мечети Улугъ-бекъ, такъ какъ мѣстная администрація ходатайствуетъ о разобраніи верхнихъ частей минаретовъ.

Для архитектурныхъ чертежей съ этихъ двухъ мечетей, кромѣ фотографированія, потребовалось бы, по прежнимъ примѣрамъ, 3000 руб.»

Вмѣстѣ съ тѣмъ было доложено слѣдующее письмо С. М. Дудина на имя предсѣдателя.

«Въ 1905 г. я былъ командированъ Русскимъ Комитетомъ для изученія Вост. и Средн. Азіи въ г. Самаркандъ, для зафотографированія мозаикъ и изразцовъ мавзолеевъ Шахъ-зиндѣ. Порученіе это было мной выполнено съ возможной полнотой, т. е. мною святы почти всѣ площади съ изразцами и мозаиками, необходимыя архитектурныя детали и общіе виды. Октябрьское землетрясеніе прошлаго года, разрушившее, между прочимъ, и нѣкоторые мавзолеи Шахъ-зиндѣ, показало всю цѣлесообразность исполненной мною работы. Мнѣ кажется, поэтому, что теперь, не оставляя мысли о дальнѣйшемъ изученіи архитектурныхъ памятниковъ Самарканда въ архитектурномъ и археологическомъ отношеніяхъ, возможномъ во всякое время, необходимо немедленно приступить къ дальнѣйшей фотографической регистраціи упомянутыхъ памятниковъ по плану, примѣненному въ Шахъ-зиндѣ.

Такой регистраціи подлежатъ: медресе Мирза Улугъ-бекъ, Тиллякари и Ширъ-даръ, мечети Ишратъ-хана, Ходжа Абду-Бирунъ, Ходжа Абду-Дарунъ, Ходжа Ахраръ, мавзолей Чиль-духтеранъ, Акъ-мечеть и нѣкоторые детали въ мечети Гуръ-Эмиръ.

Приблизительный подсчетъ пластинокъ, необходимыхъ для этого, далъ мнѣ цифру 400—450.

Работа эта можетъ быть мной исполнена въ 5 мѣсяцевъ. Стоимость ея, опредѣляемая условіями прошлой поѣздки, выразится въ суммѣ 4000 р. или на 100—200 рублей болѣе.

Кромѣ того, я предложилъ бы Комитету, во избѣжаніе расхищенія декоративныхъ украшеній, отпавшихъ со стѣнъ въ послѣднее землетрясеніе съ различныхъ зданій, а также и декоративнаго украшенія зданій, пришедшихъ къ полному разрушенію (мавзолеи Биби-ханымъ, Чиль-духтеранъ, мечети Ишратъ-хана и Биби-ханымъ), собрать и вывезти въ С.-Петербургъ. Выемка матеріала и сборъ его будутъ мной исполнены самымъ тщательнымъ образомъ, — кусками, могущими дать полную характеристику и мотива украшеній и ихъ выполненія. Расходы, связанные съ этой работой (раскопки, выемка, лѣса, укупорка и матеріалы), по моему мнѣнію, не превысятъ суммы въ 500 р. Сумма эта, конечно, ничтожна по

сравненію съ цѣнностью могущаго быть вывезеннымъ матеріала и его значеніемъ.»

Въ виду заявленія предсѣдателя, что въ работахъ по описанію самаркандскихъ архитектурныхъ памятниковъ готовы принять участіе Имп. Академія Художествъ и общество архитекторовъ, определено: 1) рѣшеніе вопроса отложить до слѣдующаго засѣданія; 2) поручить бюро образовать комиссію изъ нѣкоторыхъ членовъ Комитета при участіи представителя военнаго министерства С. В. Цейля и представителей тѣхъ учреждений, которыя могли бы принять участіе въ предположенныхъ работахъ, для выясненія вопроса, изъ какихъ источниковъ и въ какихъ размѣрахъ могли бы быть получены необходимыя средства и по какому общему плану могли бы производиться работы различными учреждениями, при непремѣнномъ условіи сосредоточенія всѣхъ результатовъ этихъ работъ въ Имп. Археологической Коммиссіи.

10. Доложены и единогласно одобрены Комитетомъ слѣдующія два предложенія В. В. Бартольда:

а) «Имѣю честь войти въ Комитетъ со слѣдующимъ предложеніемъ. Членъ-корреспондентъ Комитета В. Л. Вяткинъ въ письмѣ ко мнѣ выражаетъ желаніе «раскопать вершину холма, гдѣ была обсерваторія мирзы Улугъ-бека и по скрытому въ землѣ фундаменту опредѣлить характеръ постройки, снять фотографіи и затѣмъ закопать». На производство этихъ работъ В. Л. Вяткинъ проситъ ассигновать ему изъ средствъ Комитета 100 рублей.

Знаменитая обсерваторія Улугъ-бека находилась, по изслѣдованіямъ г. Вяткина, къ сѣверу отъ города Самарканда, у подножія горы Чупанъ-ата; здѣсь же находится холмъ, на который, какъ на мѣсто обсерваторіи, указываетъ мѣстное преданіе. Изслѣдованіе этого холма представляетъ несомнѣнный научный интересъ. Г. Вяткинъ уже нѣсколько разъ производилъ раскопки по порученію Комитета; доставленные имъ отчеты обнаруживаютъ въ немъ умѣлаго и внимательнаго изслѣдователя, тщательно отмѣчающаго каждую подробность своихъ находокъ, въ которой можно найти какое-нибудь указаніе на происхожденіе или характеръ открываемыхъ памятниковъ. Въ виду этого я просилъ бы ассигновать на предположенные имъ работы *сто (100) рублей* изъ суммъ Комитета за текущій годъ».

б) «Имѣю честь войти въ Комитетъ съ предложеніемъ о командированіи въ текущемъ году въ предѣлы Хивинскаго ханства прив-доц. А. Н. Самойловича, съ назначеніемъ ему 400 р. изъ суммъ Комитета за настоящій годъ.

Поѣздка А. Н. Самойловича въ Хиву рассчитывается на 4 мѣсяца: съ мая по августъ 1908 года. Въ Хивѣ А. Н. Самойловичъ будетъ продолжать изученіе языка, народной словесности, письменности и быта туркменскихъ племенъ, начатое имъ въ 1902 и 1906 годахъ въ Закаспійской области, затѣмъ приступить къ изученію въ тѣхъ же отношеніяхъ хивинскихъ узбековъ и по возможности также каракалпаковъ и казакъ-киргизовъ. Попутно онъ могъ бы дать описаніе нѣкоторыхъ археологическихъ памятниковъ, конечно, безъ производства раскопокъ. Особенно желательно описаніе и сфотографированіе развалинъ древняго Ургенча.»

11. Доложены и единогласно одобрены Комитетомъ слѣдующія два предложенія К. Г. Залемана:

а) «Открытіе въ Китайскомъ Туркестанѣ остатковъ письменности на нѣсколькихъ восточно-иранскихъ нарѣчіяхъ среднихъ вѣковъ вновь возбудило вопросъ объ изслѣдованіи уцѣлѣвшихъ въ Туркестанской области горныхъ нарѣчій, преимущественно *ягнобскаго*. Уже десять лѣтъ тому назадъ я изучалъ этотъ языкъ, но мои записи требуютъ пополненія и провѣрки. То же самое можно сказать о моихъ коллекціяхъ по *шугнанскому* нарѣчію, составленныхъ въ ту же поѣздку.

Поэтому я желалъ бы воспользоваться нынѣшнимъ лѣтомъ и отправиться въ Ташкентъ, Самаркандъ и Ошъ для лингвистическихъ изслѣдованій, въ сопровожденіи спутника, въ теченіе 3-хъ мѣсяцевъ, для чего я просилъ бы ассигновать сумму въ размѣрѣ до 1700 руб. подъ отчетно; представленіе детальной смѣты въ настоящій моментъ еще преждевременно.

Кромѣ того, прошу снабдить меня фонографомъ и возбудить ходатайство о бесплатномъ проѣздѣ для меня и моего спутника.»

б) «Вышелъ 1-ый выпускъ «Словаря Якутскаго языка» Э. К. Пекарскаго, который за научныя достоинства свои удостоился золотой медали отъ Императорской Академіи Наукъ.

Дальнѣйшая работа г. Пекарскаго идетъ очень интенсивно и продолжается печататься.

Считая необходимымъ поддержать еще нѣкоторое время г. Пекарскаго, прошу Комитетъ по примѣру прежнихъ лѣтъ назначить субсидію въ 600 рублей на 1908 годъ.

Есть надежда, что г. Пекарскій современемъ устроится болѣе прочно въ Петербургѣ, и тогда окажется возможнымъ для него обходиться безъ дальнѣйшей поддержки Комитета.»

12. Доложено слѣдующее предложеніе С. Θ. Ольденбурга:

«Прошу Комитетъ ассигновать Б. Б. Барадину на лѣтніе мѣсяцы для занятій въ дацанахъ Забайкалья, съ цѣлью собиранія дополнительнаго матеріала къ его работѣ о Лавранѣ, по 75 рублей на 5 мѣсяцевъ (всего 375 р.) и 200 р. на дорогу въ оба конца.»

Опредѣлено: 1) въ дополненіе къ постановленію Комитета 10 декабря 1907 г., о назначеніи Б. Б. Барадину по 75 р. въ мѣсяць по 1 іюня 1908 г., назначить Б. Б. Барадину, для осуществленія предположенной поѣздки, пособія въ томъ же размѣрѣ еще на пять мѣсяцевъ, по 1 ноября 1908 г.; 2) по вопросу о назначеніи суммы на проѣздъ предварительно возбудить ходатайство о выдачѣ Б. Б. Барадину бесплатнаго билета на проѣздъ въ оба конца.

13. Доложена слѣдующая записка проф. М. М. Ковалевскаго, внесенная членомъ Комитета С. Θ. Ольденбургомъ:

«Въ Азіатскомъ музеѣ хранятся матеріалы по первобытному праву якутовъ, собранные членомъ Сибиряковской экспедиціи, Виташевскимъ. Матеріалы эти, судя по прежнимъ работамъ автора въ области первобытнаго права, а также и той части матеріаловъ, которая была у меня въ рукахъ, представляютъ большую научную цѣнность. Къ сожалѣнію, собирателю ихъ, находящемуся безъ средствъ и вынужденному искать скудный заработокъ въ случайныхъ занятіяхъ, не только не удалось обработать свои матеріалы, но и не было никакой возможности до настоящаго времени удосужиться переписать и систематизировать ихъ настолько, чтобы со временемъ они могли быть обработаны, если не имъ самимъ, то, по крайней мѣрѣ, другими лицами, находящимися въ болѣе благопріятныхъ условіяхъ.

Считая эти матеріалы весьма цѣнными для исторіи древняго права тюркскихъ народовъ, обращаюсь къ Русскому Комитету, поста-

вившему себѣ высокой цѣлью сохраненіе и спасеніе отъ гибели историческихъ памятниковъ Востока, съ просьбою, не найдетъ ли онъ возможнымъ ассигновать 600 рублей Виташевскому, съ тѣмъ, чтобы онъ въ теченіе года переписалъ и привелъ въ порядокъ упомянутые матеріалы. Добавлю, что лично знаю собирателя матеріаловъ, и въ добросовѣстномъ выполненіи имъ своей работы вполне убѣжденъ.»

Опредѣлено: пазначить г. Виташевскому, для приведенія въ порядокъ собранныхъ имъ матеріаловъ, по 50 р. въ мѣсяцъ съ 1 марта 1908 по 1 марта 1909 года.

14. Доложены и единогласно одобрены Комитетомъ слѣдующія два предложенія Л. Я. Штернберга:

а) «Въ № 7 «Извѣстій» Комитета напечатанъ отчетъ Б. О. Пилсудскаго, изъ котораго видно, какой громадный матеріалъ собранъ имъ. Часть матеріала приведена имъ въ порядокъ и частью начинается печататься. Одна большая статья передана въ редакцію «Живой Старины». Въ виду цѣнности собранныхъ г. Пилсудскимъ матеріаловъ и въ виду того, что онъ все время работалъ при самой скудной поддержкѣ отъ Комитета (на 50 руб. въ мѣсяцъ во время экспедиціи), считаю справедливымъ въ настоящее время дать ему возможность продолжать свою работу и оказать ему одновременную поддержку суммой въ 200 руб.»

б) «Получено оффиціальное извѣстіе о томъ, что за зиму эту умерло сто чумовъ въ Туруханскомъ краѣ отъ черной оспы, такъ что является большое опасеніе, что пострадали особенно жестоко енисейскіе остяки, въ томъ числѣ оставленные внѣ изученія сымскіе остяки и башинцы, относительно которыхъ слѣдовало бы принять спеціальныя мѣры. Кромѣ того имѣется извѣстіе, что въ гор. Енисейскѣ открыто кладбище остяковъ. Въ виду этого В. И. Ауучинъ счелъ необходимымъ снова отправиться на Енисей, во-первыхъ для раскопокъ, во-вторыхъ для дополнительныхъ работъ по лингвистикѣ, которыя оказывается невозможнымъ откладывать болѣе. Въ виду этого прошу ассигнованными ему Комитетомъ 540 руб. для обработки матеріаловъ въ С.-Петербургѣ воспользоваться для этой цѣли.»

По поводу второго предложенія опредѣлено: по вопросу о раскопкахъ снестись съ Имп. Археологической Коммиссіей.

15. Доложено и единогласно одобрено Комитетомъ слѣдующее предложеніе В. В. Радлова и В. А. Жуковского:

«Имѣемъ честь представить о командированіи лѣтомъ текущего года студента факультета Восточныхъ языковъ Сергѣя Ефимовича Малова въ Томскую губернію (округи Томскій, Мариинскій и Кузнецкій) для изученія языка томскихъ, чулымскихъ и кузнецкихъ татаръ и телеутовъ. На выполнение этой командировки просимъ назначить г. Малову 200 р. и, если окажется возможнымъ, ходатайствовать о предоставленіи ему бесплатнаго или льготнаго проѣзда до указанной мѣстности.»

18. Доложено отношеніе Азіатскаго отдѣла Главнаго Штаба отъ 16 января, № 4354, съ препровожденіемъ слѣдующихъ изданій: 1) краткій персидскій (фарсидскій) переводчикъ кап. Ефимова; 2) афганскій (пушту) переводчикъ его же; 3) персидскій (фарсидскій) переводчикъ со словарями подп. Ягелло; 4) практическая грамматика языка фарси, ч. I, кап. Ефимова; 5) матеріалы по Маньчжуріи и Монголіи, вып. XVI, составилъ ротм. Барановъ. Определено: передать книги въ Азіатскій музей Академіи Наукъ.

Отчетъ о дѣятельности

состоящаго подъ ВЫСОЧАЙШИМЪ ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА
покровительствомъ

Русскаго Комитета для изученія Средней и Восточной Азіи въ историческомъ, археологическомъ, лингвистическомъ и этнографическомъ
отношеніяхъ
за 1907 годъ.

Въ отчетномъ году всѣ предпріятія Комитета носили характеръ продолженія работъ, начатыхъ въ предшествовавшіе годы.

Успѣшно были закончены тѣ предпріятія, для осуществленія которыхъ Комитетъ, въ виду ихъ научнаго значенія, не останавливался ни передъ какими затратами: работы В. И. Анучина по изслѣдованію языка и быта вымирающихъ енисейскихъ остяковъ и работы Б. Б. Барадина по изученію въ сѣверной части Тибета современной жизни буддійскихъ научныхъ центровъ и по собиранію памятниковъ тибетской литературы. О результатахъ работъ В. И. Анучина Комитету было доложено въ засѣданіи 10 ноября, о результатахъ работъ Б. Б. Барадина въ засѣданіи 10 декабря.

Съ полнымъ успѣхомъ продолжались также работы А. В. Адрианова по изслѣдованію енисейскихъ писаницъ, ознаменовавшіяся открытіемъ единственнаго въ своемъ родѣ памятника — каменнаго столба съ рунической надписью, принадлежащей одному изъ уйгурскихъ хановъ VIII в. по Р. Хр. и, въ противоположность всѣмъ прежде открытымъ руническимъ надписямъ, не имѣющей характера надгробной эпитафіи.

Столбъ будетъ присланъ въ распоряженіе Комитета и будетъ единственнымъ подлиннымъ камнемъ съ надписью такъ называемымъ орхонскимъ или енисейскимъ шрифтомъ, находящимся въ С.-Петербургѣ.

Остальныя предпріятія Комитета, за исключеніемъ производившихся на средства изъ спеціальнаго фонда работъ въ Восточномъ Туркестанѣ, имѣли характеръ продолженія начатыхъ въ предшество-

вавшіе годы работъ по собиранію лингвистическаго матеріала. Ф. В. Муромскій, совершившій съ этой цѣлью въ 1906 г., по порученію Комитета, поѣздку въ Илійскій край, снова былъ командированъ въ ту же мѣстность; новымъ постановленіемъ Комитета командировка была продолжена до 1 апрѣля 1908 г., такъ что г. Муромскій къ концу отчетнаго года еще находился въ Илійскомъ краѣ и собранные имъ матеріалы еще не могли быть доставлены Комитету. Пособіе Э. К. Пекарскому, составителю якутскаго словаря, издаваемого на средства Академіи Наукъ, выдавалось и въ отчетномъ году; въ засѣданіи 10 ноября Комитетъ былъ извѣщенъ о выходѣ въ свѣтъ 1-го выпуска. Работы по транскрипціи якутскихъ текстовъ, начатыя въ 1906 г. П. Н. Малыгинымъ, продолжалъ въ 1907 г. В. Н. Васильевъ. Комитетъ кромѣ того предполагалъ вновь командировать въ Монголію, для продолженія начатыхъ въ прежніе годы изслѣдованій, Ц. Ж. Жамцаранова, но эта командировка не состоялась, и ассигнованная для этой цѣли сумма осталась неизрасходованной.

Мусульманская часть Средней Азіи оставалась и въ отчетномъ году, какъ въ 1906, внѣ сферы дѣятельности Комитета. Изъ всѣхъ суммъ Комитета на работы въ русскомъ Туркестанѣ было ассигновано всего 400 р. въ распоряженіе Туркестанскаго кружка любителей археологіи. Изъ этой суммы 200 р. были высланы кружку и употреблены на поѣздку И. А. Бѣляева къ развалинамъ города Шахрухи, не давшую, насколько извѣстно Комитету, никакихъ результатовъ; другая половина ассигнованной суммы осталась неизрасходованной. Археологическія работы по изслѣдованію памятниковъ буддійской культуры въ Восточномъ Туркестанѣ, на средства изъ спеціального фонда, въ отчетномъ году были временно закончены, вслѣдствіе возвращенія командированнаго Комитетомъ въ 1905 г. М. М. Березовскаго въ С.-Петербургъ. Свѣдѣнія о матеріалахъ, привезенныхъ г. Березовскимъ, до окончанія года еще не могли быть доложены Комитету.

Изъ работъ, исполненныхъ по порученію Комитета въ прежніе годы, Комитету въ отчетномъ году были доставлены свѣдѣнія о результатѣ поѣздки И. А. Бѣляева въ Бухару, о работахъ Б. О. Пилсудскаго на островѣ Сахалинѣ и о раскопкахъ В. Л. Вяткина въ окрестностяхъ Самарканда; кромѣ того Комитету былъ доставленъ

отчетъ о поѣздкѣ члена Фипляндскаго комитета Г. И. Гранэ въ Монголію, совершенной при содѣйствіи Комитета.

Въ задачу Комитета, кромѣ непосредственнаго собиранія научнаго матеріала путемъ снаряженія экспедицій на мѣста, входитъ также собираніе свѣдѣній о требующихъ изученія памятникахъ «путемъ постоянныхъ сношеній съ мѣстными дѣятелями и учрежденіями». Эта послѣдняя цѣль въ отчетномъ году достигалась Комитетомъ въ большей степени, чѣмъ въ прежніе годы. Отъ своего члена-корреспондента Д. Н. Соколова Комитетъ получилъ цѣнные свѣдѣнія объ открытіи на берегу р. Уфы камней съ непонятными для мѣстныхъ муллъ надписями; министерствомъ иностранныхъ дѣлъ Комитету былъ доставленъ цѣнный отчетъ о поѣздкѣ секретаря Россійскаго Императорскаго консульства въ Кашгарѣ г. Лаврова изъ Кашгара къ Лобъ-Нору и другимъ путемъ обратно въ Кашгаръ; наконецъ, членъ Комитета Н. И. Веселовскій сообщилъ свѣдѣнія о богатомъ собраніи древностей, принадлежащемъ Россійскому Императорскому консулу въ г. Урумчи Н. Н. Кроткову, и въ настоящее время находящемся въ С.-Петербургѣ. Комитетомъ немедленно были приняты мѣры для ознакомленія съ этимъ собраніемъ, и къ началу настоящаго 1908 г. старанія Комитета увѣнчались успѣхомъ.

Въ качествѣ центральнаго комитета международнаго Союза, Комитетъ въ отчетномъ году оказалъ содѣйствіе г. Ю. Мессарошу, командированному венгерскимъ комитетомъ для изслѣдованія языка чувашей.

Въ личномъ составѣ Комитета въ отчетномъ году произошли слѣдующія перемѣны: представителемъ военнаго министерства, вмѣсто выбывшаго Ѳ. Н. Васильева, былъ назначенъ С. В. Цейль, представителемъ министерства иностранныхъ дѣлъ, вмѣсто выбывшаго М. С. Щекина, Н. П. Юдинъ, представителемъ министерства внутреннихъ дѣлъ, вмѣсто выбывшаго В. І. Гурко, кн. С. А. Вяземскій. Полномочія председателя Комитета, его товарища и обоихъ секретарей были продолжены на слѣдующее четырехлѣтіе. Комитетомъ, кромѣ протоколовъ своихъ засѣданій, которыхъ въ отчетномъ году было четыре, былъ напечатанъ № 7 издаваемыхъ имъ «Извѣстій» и № 7 «Bulletin» Международнаго Союза.

Отчетъ о поѣздкѣ въ Туркестанъ лѣтомъ 1908 г. К. Залемана.

Вечеромъ 14-го мая мы, вмѣстѣ съ барономъ А. А. Стальфонъ-Гольштейномъ, выѣхали въ Москву, откуда 16-го отправились безъ остановки въ Ташкентъ, куда прибыли 21-го утромъ. Здѣсь пришлось ждать высланныхъ изъ Петербурга тюковъ съ валиками для фонографа и другими вещами. Изъ мѣстныхъ дѣятелей мы посѣтили Н. П. Остроумова и Н. О. Петровскаго, и 26-го вечеромъ были приглашены въ засѣданіе Туркестанскаго кружка любителей археологій. Въ этомъ засѣданіи предсѣдательствующій И. Т. Пославскій показывалъ рисунки Б. Н. Кастальскаго, снятые съ принадлежащихъ ему отрывковъ оссуарій, найденныхъ около 60 верстъ отъ Самарканда и отличающихся рельефными изображеніями человѣческихъ фигуръ, каковыя до сихъ поръ не встрѣчались. При этомъ мною было высказано предположеніе, что изображаемые четыре типа мужчины съ женщиной подъ аркою (два спереди и по одному на правой и лѣвой сторонахъ четырехугольнаго гроба) представляютъ собою четыре сословія зороастрійцевъ: жрецовъ, воиновъ, ремесленниковъ и земледѣльцевъ. И это предположеніе подкрѣпилось осмотромъ подлинныхъ черепковъ у владѣльца въ Самаркандѣ.

28-го мая мы выѣхали въ Кокандъ, гдѣ провели слѣдующій день, осматривая совсѣмъ испорченную новыми постройками крѣпость и другія древности, а также и туземный городъ, и 30-го утромъ прибыли въ Андиджанъ, откуда уже пришлось ѣхать дальше на лошадяхъ. Навявъ арбакаша для вещей, мы въ 6 часовъ вечера выѣхали на извозникѣ, ночевали на полупути въ Ходжеватѣ и прибыли въ г. Ошъ утромъ въ 6 часовъ, 31-го мая, гдѣ, съ любезнаго разрѣшенія командира, остановились въ офицерскомъ собраніи. Первые два дня были посвящены распаковкѣ багажа, необходимымъ визитамъ и осмотру города, а 2-го іюня мы поѣхали въ туземный городъ, гдѣ я отыскалъ

бывшаго въ 1897 г. своего учителя-шугнанца, муллу Сейид-Нур-Али-ишана, почтеннаго старца болѣе 70 лѣтъ отроду. На другой день начались мои занятія по шугнанскому нарѣчію съ нимъ и съ сыномъ его Хал-Мухаммадомъ въ теченіе одной недѣли. Старыя мои записи 1897 г. были провѣрены, и записанъ рядъ текстовъ, въ томъ числѣ легенда объ Ошѣ и его святой горѣ Тахти-Сулейманъ. Съ своей стороны бар. Сталь предпринялъ 3-го іюня поѣздку верхомъ въ с. Араванъ, а 7-го въ Наукать, откуда привезъ два слѣпка съ надгробныхъ камней, къ сожалѣнію научнаго значенія не имѣющихъ. Еще въ Ташкентѣ мнѣ сообщили, что на Тахти-Сулейманъ была найдена каменная колонна безъ надписей, хранящаяся въ Ошскомъ уѣздномъ управленіи. 5 іюня мы тамъ осмотрѣли этотъ столбъ и сняли съ него фотографію и мѣрки.

Окончивъ свои дѣла въ Ошѣ, мы оставили этотъ городъ 11-го іюня рано утромъ и пересѣли въ Андиджанъ въ 1 часть того же дня въ поѣздъ, чтобъ отправиться чрезъ Черняево въ Самаркандъ, куда прибыли въ $\frac{1}{2}$ 12-го, 12-го іюня. Главной цѣлью моей поѣздки въ этотъ городъ было вторичное изученіе ягнобскаго нарѣчія, но къ сожалѣнію отыскать подходящаго ягнобца было не столь легко, какъ одиннадцать лѣтъ тому назадъ. Такимъ образомъ первые дни прошли въ осмотрѣ города и его достопримѣчательностей, визитахъ и разсмотрѣніи приносимыхъ мнѣ рукописей, изъ которыхъ удалось, однако, пріобрѣсти только нѣкоторые, въ виду высокихъ цѣнъ. Наконецъ 22-го числа ко мнѣ былъ приведенъ молодой ягнобецъ Абдуссамадъ (Афсаматъ), оказавшійся въ послѣдствіи весьма смысленнымъ и полезнымъ для моихъ цѣлей. Съ нимъ былъ провѣренъ и пополненъ словарь, и записано нѣсколько переводовъ и другихъ текстовъ. Наши занятія велись усердно до самаго дня моего отъѣзда. 25-го іюня бар. Сталь, объѣзжавшій все время окрестности города, оставилъ Самаркандъ, чтобы отправиться въ Англію, и я остался при своихъ занятіяхъ съ Афсаматомъ, къ которымъ прибавились еще другія работы: записываніе таджикскихъ и сартовскихъ пѣсней съ помощью фонографа, каталогизація собранія рукописей В. Л. Вяткина, въ числѣ которыхъ есть весьма важныя по рѣдкости или древности, и наконецъ снятіе оттисковъ съ надгробныхъ камней Гурп-Эмира, къ сожалѣнію вышедшихъ не совсѣмъ удачно.

Эти занятія продолжались до 13-го іюля. На другой день я прибылъ въ Новую Бухару, нынѣ именуемую Каганъ, и остановился въ Политическомъ агентствѣ, гдѣ пользовался гостепріимствомъ Я. Я. Лютша и М. М. Лыткина, за которое и здѣсь считаю долгомъ выразить свою глубокую признательность. Пребываніе въ Бухарѣ оказалось весьма полезнымъ, такъ какъ мнѣ посчастливилось напасть въ старомъ городѣ на богатый складъ древнихъ и новыхъ мусульманскихъ рукописей. Соображаясь съ свободными средствами, я могъ пріобрѣсти 42 рукописи за среднюю стоимость въ 10 руб., въ томъ числѣ нѣсколько рѣдкостей и ипіса.

Изъ Бухары мы выѣхали 20-го іюля вмѣстѣ съ политическимъ агентомъ Я. Я. Лютшемъ, но на пути за Асхабадомъ были сильно задержаны вслѣдствіе прекращенія движенія по причинѣ порчи дороги, такъ что пріѣхали въ Баку лишь 27-го числа. Оттуда поѣздка совершилась вполне благополучно, и 2-го августа я прибылъ обратно въ Петербургъ.

Что касается израсходованія предоставленныхъ Комитетомъ въ мое распоряженіе 1700 руб., то расходы въ круглыхъ суммахъ дѣлятся на слѣдующія рубрики:

на подъемъ и хозяйство	725 р.
на поѣздки (доплата, багажъ, лошади).	345 »
за купленные рукописи	500 »
на учителей и по другимъ работамъ	130 »

Итого . . . 1700 р.

Краткій отчетъ о поѣздѣ въ Ташкентъ и Бухару и въ Хивинское ханство командированнаго СПб. Университетомъ и Русскимъ Комитетомъ приватъ-доцента А. Н. Самойловича въ 1908 году.

27 апрѣля я прибылъ въ г. Ташкентъ со стороны Оренбурга, а 11 іюля выѣхалъ изъ Красноводска на Баку, такъ что въ предѣлахъ Средней Азіи я пробылъ $2\frac{1}{2}$ мѣсяца; все мое путешествіе, со включеніемъ 2 недѣль пути отъ Петербурга въ Среднюю Азію и обратно, заняло 3 мѣсяца вмѣсто предполагавшихся 4-хъ.

І. Ташкентъ — Бухара.

Первую остановку я сдѣлалъ въ г. *Ташкентъ*, гдѣ пробылъ съ 27 апрѣля до 8 мая. Здѣсь прежде всего я по обыкновенію посѣтилъ мѣстныхъ изслѣдователей Средней Азіи: Н. Ф. Петровскаго¹⁾, Н. П. Остроумова, А. А. Диваева, Н. Г. Маллицкаго, А. А. Семенова, Н. В. Дмитровскаго.

Въ Туркестанской публичной библіотекѣ я ознакомился съ новыми выпусками Туркестанскаго Сборника, не выходившаго уже 20 лѣтъ (1887 — 1907) и возобновленнаго въ 1907 году; подробныя объясненія мнѣ любезно давали участники этого кропотливаго труда А. А. Диваевъ и библіотекаръ г. Зыковъ. Детальнѣе остановиться на этомъ пунктѣ моего отчета, равно какъ и на нѣкоторыхъ другихъ, я намѣренъ въ отдѣльныхъ печатныхъ замѣткахъ²⁾.

При содѣйствіи Н. П. Остроумова познакомился съ воспитанниками Учительской Семинаріи *изъ туркменовъ* и съ ихъ помощью разбиралъ свои туркменскіе матеріалы.

1) Скончался 19 ноября сего года. Да будетъ ему легка земля!

2) Замѣтка о Туркестанскомъ Сборникѣ уже напечатана въ IV вып. XVIII т. Записокъ Вост. Отд. И. Р. Арх. Общества.

Большую часть времени я проводилъ съ туземцами, какъ въ старомъ городѣ, такъ и у себя въ гостинницѣ. По доброму восточному обычаю я обмѣнивался съ туземными своими знакомыми подарками и въ Ташкентѣ, и впослѣдствіи въ Хивѣ; какъ люди книжные, мы подносили другъ другу литературныя памятки, и мнѣ очень пригодились для этой цѣли изданія Ильясъ Мурзы Бораганскаго: 1) миниатюрный Коранъ и 2) сура Ясинъ изъ извѣстнаго Корана Османа.

По вопросамъ старой и современной средне-азиатской литературы на турецкомъ языкѣ я бесѣдовалъ съ поэтомъ Кямі (کیمی), знакомству съ которымъ я обязанъ Н. Г. Маллицкому, и съ муллою Турсунъ-Казы, дядей моего давнишняго пріятеля Кемаль-ед-динъ-Ходжи. Кямі подарилъ мнѣ бухарское литограф. изданіе сочиненія Неваи «Маббуб-ул-кулубъ» и продалъ ташкентское литогр. изданіе: «Бәјазъ» — стихотворный сборникъ съ участіемъ и музы Кямі; на послѣдней страницѣ Кямі собственноручно приписалъ свое новое произведеніе. Кемаль-ед-динъ подарилъ мнѣ: 1) очень длинное письмо въ стихахъ извѣстнаго кокандскаго поэта Фиркатъ (автографъ), написанное послѣднимъ изъ Константинополя ташкентскимъ друзьямъ; 2) два лоскутка бумаги, на которыхъ дважды написана шутливая «сартовская» пѣсенка: «Мытарства пассажира 4-аго класса».

Неоднократно посѣщалъ одну изъ русско-туземныхъ школъ стараго города, въ которой мусульманскіе предметы преподаетъ по новому методу помянутый Кемаль-ед-динъ, горячій сторонникъ просвѣщенія своихъ соплеменниковъ въ европейскомъ духѣ. Кромѣ знакомства съ ходомъ учебныхъ занятій эти посѣщенія давали мнѣ еще отличный случай прислушиваться къ говору ташкентцевъ и записывать образцы ташкентскаго турецкаго нарѣчія; для послѣдней цѣли обязательный Кемаль-ед-динъ собралъ еще однажды старшихъ своихъ учениковъ у себя, въ кельѣ (hўйра) медресы Ходжа Ахрара, а младшихъ — въ одномъ изъ загородныхъ садовъ. Такимъ образомъ я записалъ нѣсколько пословицъ, загадокъ, пѣсенокъ и коротенькихъ разсказовъ и рядъ отдѣльныхъ словъ и выраженій.

Цѣнные свѣдѣнія по языку и быту ташкентцевъ сообщилъ мнѣ другой мой старинный пріятель, практикантъ Учительской Семинаріи и авторъ «Устоди авваль для русско-туземныхъ школъ Туркестанскаго края» (изд. VI, 1907 г.) мулла Саидъ-Расуль; онъ подѣлился

со мной, кромѣ того, своими наблюденіями надъ ходомъ учебнаго дѣла среди туземцевъ.

Н. П. Остроумовъ любезно доставилъ мнѣ возможность присутствовать на «мальчишникѣ» (канунъ свадьбы) у почтеннаго туземца Ишанъ-Ходжи; здѣсь я имѣлъ случай близко наблюдать различныя любопытныя проявленія восторженнаго отношенія туземцевъ (да и русскихъ) къ «бача» съ одной стороны и искусные способы (между прочимъ танцы) воздѣйствія этихъ мальчиковъ на публику съ другой.

Я осмотрѣлъ вмѣстѣ съ Кемаль-ед-диномъ первую литографію въ старомъ городѣ, существующую всего около года и принадлежащую Арифджанову. Кромѣ упомянутаго выше «Бѣяз», я приобрѣлъ на базарѣ изъ напечатанныхъ въ этомъ заведеніи: «Mälikä Dilaram», «Сонникъ» и «Хурлика».

Вникалъ въ современное настроеніе средне-азіатцевъ. По поводу усиленно обсуждавшагося весной въ русскихъ мусульманскихъ газетахъ вопроса о положеніи женщины, котораго коснулась и Ташкентская туземная газета, Бака-Ходжа, студентъ самаркандскаго медреса Ширъ-даръ сообщилъ мнѣ, что онъ написалъ по-персидски «rīsalē», оспаривающее «ногайскіе» взгляды на женскій вопросъ; «rīsalē» должно быть напечатано по-персидски, по-турецки и по-русски; принадлежа къ духовной средѣ, Бака-Ходжа, однако, среди своихъ — челоѣкъ довольно передовыхъ взглядовъ, и его отрицательное отношеніе къ эмансипаціи мусульманской женщины тѣмъ характернѣе для Средней Азіи. Съ Бака-Ходжой я бесѣдовалъ уже въ пути между Самаркандомъ и Бухарой, благодаря случайной встрѣчѣ съ этимъ моимъ давнишнимъ знакомымъ.

Вторую остановку, весьма короткую, я сдѣлалъ въ *Бухаръ* (9—11 мая), найдя радушный пріютъ у драгомана нашего политическаго агентства М. Э. Никольскаго. На книжномъ базарѣ старой Бухары я купилъ рукопись на языкѣ тѣркѣ, содержащую: 1) стихотворный разсказъ про Али и Ханифэ (ff. 1 b—76 a) и 2) сборникъ *مثنوی* поэта Хувейда (*هویدا* ff. 76 b—160 b); кромѣ того я приобрѣлъ покупкой литографированныя изданія: «Цѣңнамă-i-Цѣмшід-падшаһ» (бухарское) и «Юсифъ и Зулейха» Андалиба (самаркандское). При любезномъ содѣйствіи М. Э. Никольскаго я осмотрѣлъ типо-литографію гг. Гай-

синскаго и Бендецкаго (бывшую Левина) и получилъ списокъ (къ сожалѣнію неразборчивый) мусульманскихъ книгъ, напечатанныхъ въ ней съ мая 1907 года (45 №№).

II. *Подъ Хивой.*

Утромъ 12 мая я сѣлъ въ Чарджуѣ на пароходъ и 14 мая около 2 часовъ пополудни сошелъ на аму-дарьинскій берегъ верстахъ въ 6-ти отъ Петро-Александровска. Въ этомъ городѣ извозчиковъ не водится; приходится телеграфировать изъ Дарганъ-ата администраціи о высылкѣ казенныхъ или частныхъ лошадей; и такихъ на этотъ разъ не хватило для всѣхъ пассажировъ, такъ что я попалъ въ городъ только часовъ въ шесть вечера. За неимѣніемъ гостиницы и свободныхъ номеровъ въ Военномъ Собраніи я остановился въ квартирѣ городского полицейскаго пристава С. Н. Черкеса, съ которымъ познакомился на берегу у парохода. Въ *Петро-Александровскѣ* я пробылъ до полудня 17 мая. Начальникъ Аму-дарьинскаго отдѣла Сыръ-дарьинской области, генералъ Н. Г. Глушановскій, которому я предъявилъ, кромѣ открытыхъ листовъ отъ Комитета и Туркестанскаго генераль-губернатора, еще частное письмо Н. Ф. Петровскаго, столь внимательно отнесшагося къ моему путешествію, — оказалъ мнѣ всемѣрное содѣйствіе и радушнѣйшимъ образомъ принялъ меня въ своемъ домѣ. Генералъ ссудилъ меня двумя картами Хивинскаго ханства и помогъ мнѣ составить приблизительный маршрутъ поѣздки по владѣніямъ Ханъ-Азрета. Въ ожиданіи, пока хивинскія власти получатъ извѣщеніе о моемъ приѣздѣ и когда мнѣ можно будетъ тронуться въ дальнѣйшій путь, я дѣлалъ послѣднія необходимыя для путешествія по Хивѣ покупки и приготовленія.

Въ Петро-Александровскѣ помимо библіотеки при Военномъ Собраніи открыта еще съ 1 мая 1907 г. «Петро-Александровская городская имени Н. А. Иванова (перваго начальника Аму-д. отдѣла, впоследствии Туркестанск. генераль-губернатора, нынѣ покойнаго) библіотека», находящаяся въ вѣдѣніи особаго комитета. Первымъ предсѣдателемъ комитета былъ Ник. Эд. Вундцетель; библіотекаремъ нынѣ состоятъ бывшій воспитанникъ Ташкентской Учительской Семинаріи

Вас. Петр. Шпеневъ; бібліотека помѣщается при Поземельномъ Податномъ присутствіи въ одной комнатѣ; тутъ же имѣется и зародышъ будущаго музея археологическаго и естественно-историческаго ввидѣ нѣсколькихъ древнихъ камней и сосудовъ, древняго оружія, шкафа съ монетами и стойки съ сѣменами злаковъ и зоологическими препаратами.

III. Хива.

17 мая около 2 часовъ пополудни сѣлъ въ хивинскій каюкъ на Кара-багской переправѣ, черезъ два часа, пересѣкши Аму-дарью, вѣхалъ въ судоходный Шахъ-авадскій каналъ, а еще черезъ часъ былъ въ замкѣ Ханкинскаго губернатора (накім или бакъ), гдѣ я началъ и закончилъ свое пріятнѣйшее въ общемъ, почти полуторомѣсячное, путешествіе по Хивинскому ханству (17 мая — 26 іюня).

Работать я началъ только въ городѣ Хивѣ, послѣ того какъ помощникъ начальника Аму-дарьинскаго отдѣла, полковникъ Н. С. Масичъ, любезно исполнившій просьбу генерала Н. Г. Глушановскаго проводить меня до резиденціи Его Свѣтлости Сеидъ-Мухаммедъ-Рахимъ-хана, представилъ меня хану, его наслѣднику и первымъ хивинскимъ сановникамъ и такимъ образомъ обезпечилъ мнѣ съ ихъ стороны полнѣйшее содѣйствіе.

Въ г. Хивѣ я прожилъ въ первый разъ съ 18 мая до 27-го, употребивъ это время на довольно разнообразныя работы. Занимая комфортабельныя для Хивы апартаменты посольскаго дома и пользуясь полнымъ гостепріимствомъ Его Сіятельства наслѣдника Исфендіартюрі, въ усадьбѣ котораго этотъ домъ находится, я имѣлъ постоянно подъ руками лицъ, предупредительно исполнявшихъ мои желанія, и экипажъ, всегда готовый къ моимъ услугамъ. Часть дня я занимался дома, а часть проводилъ въ разныхъ концахъ города. При мнѣ состоялъ услужливый Саибъ-Назаръ-бай, который ко второму моему приѣзду въ г. Хиву (на обратномъ пути) изъ завѣдующаго посольскимъ домомъ былъ неожиданно назначенъ первымъ министромъ (мәтәр, мәһтәр); его мѣсто занялъ Абдулла-бай, сынъ Мирза-башы (см. ниже).

Имѣя постоянную практику въ хивинскомъ говорѣ среди окружающихъ меня лицъ, я спеціально занимался городскимъ нарѣчіемъ съ приставленнымъ ко мнѣ для этой цѣли Медеминъ-баемъ (Мухаммедъ-Эминъ-бай), словоохотливымъ сборщикомъ податей; подѣ его диктовку я записалъ, между прочимъ, названія хивинскихъ одеждъ и тканей и названія хивинскихъ яствъ.

Осмотрѣлъ рядъ заведеній хивинскихъ цеховъ: 1) мастерскую шелковыхъ тканей, 2) круподерню, 3) кунжутный заводъ, 4) шапочную мастерскую, 5) глинообжигательный заводъ, 6) хлѣбопекарню, 7) базаръ глиняной посуды, 8) заводъ глиняныхъ печей для хлѣба, 9) улицу мѣдныхъ мастеровъ (этотъ цехъ, издающій много шума, поселенъ на краю города), 10) мастерскую полировщиковъ алачи, 11) мастерскую золотыхъ дѣлъ мастера и 12) мастерскую лошадиной сбруи. Знакомая въ общихъ чертахъ съ разными ремесленными производствами, я обогащалъ при этомъ свой словарь хивинскихъ словъ.

Наблюдалъ хивинскую музыку, пѣніе, танцы. Слышалъ: 1) придворнаго тамбуриста Метъ-Якуба; 2) народнаго пѣвца (бахшы), исполнявшаго народно-книжныя произведенія подѣ аккомпаниментъ дутары (игралъ самъ) и двухъ дудокъ (буламанъ), на которыхъ играли два его товарища; 3) послѣдняго въ г. Хивѣ дряхлаго придворнаго игрока на кобузѣ¹⁾; 4) игру на гырджакѣхъ съ бубномъ. Видѣлъ сартовскій кукольный театръ — «чадыр-хаѣа» и акробатовъ — «масхара-баз». Бесѣдовалъ съ первымъ въ г. Хивѣ знатокомъ теоріи поэзій и музыки, поэтомъ, композиторомъ и каллиграфомъ Мухаммедъ-Расуль-бай Мирза-башы, сыномъ покойнаго извѣстнаго поэта и историка Камуль (کامل).

Пріобрѣлъ для этнографическаго музея Академіи Наукъ коллекцію хивинскихъ музыкальныхъ инструментовъ и два полныхъ костюма — мужской и женскій — простолюдиновъ города Хивы.

Осмотрѣлъ медресѣ и другія достопримѣчательности города, въ томъ числѣ и гордость хивинскихъ купцовъ — магазинъ на русскій ладъ, такъ и прозванный «мѣгәзін». Видѣлъ одинъ изъ первыхъ камней фундамента будущей новой, «молодой» Хивы: строящееся

1) Кобузъ почти вышелъ изъ употребленія у городскихъ жителей Хивинскаго ханства и остался преимущественно у казакъ-киргизовъ и кара-калпаковъ.

еще медреса Исламъ-Ходжи, гдѣ преподаваніе будетъ поставлено на новый ладъ, со свѣтскими науками. Бесѣдовалъ съ казанскимъ молодымъ муллою, учителемъ одной изъ 4 только-что открытыхъ въ хивинскомъ ханствѣ мектебовъ новаго типа; косное большинство и особенно духовенство относится пока весьма враждебно къ вполне разумнымъ попыткамъ лучшихъ хивинскихъ людей реформировать ужасную старую мусульманскую начальную школу.

Подъ руководствомъ любимца хана, одного изъ лучшихъ современныхъ хивинскихъ поэтовъ (онъ-же и врачъ) Ахмедъ-Табиба¹⁾ я ознакомился съ ханскими книгохранилищами и придворной литографіей.

Нынѣ ханствующій Сеидъ-Мухаммедъ-Рахимъ II, просвѣщенный покровитель хивинской науки и искусствъ, проявилъ полную готовность содѣйствовать научному изученію его страны и открылъ мнѣ доступъ также и къ своимъ собственнымъ, личнымъ книжнымъ сокровищамъ.—Я по два раза занимался въ обѣихъ ханскихъ библіотекахъ: въ Аркѣ и въ Таза-багѣ, обращая главное вниманіе на рукописи, написанныя по-турецки и дважды посѣтилъ ханскую литографію, пріютившуюся на лѣто въ садовомъ павильонѣ Таза-бага²⁾. Въ Таза-багскомъ кабинетѣ Его Свѣтлости я просматривалъ новые списки съ разныхъ рукописей и печатныхъ изданій, непрерывно изготовляемые цѣлымъ штатомъ придворныхъ переписчиковъ. По распоряженію хана мнѣ вручили нѣсколько ханскихъ изданій и въ томъ числѣ еще неоконченное послѣднее: собраніе 3200 газелей 32 современныхъ хивинскихъ поэтовъ, которымъ предшествуютъ 100 газелей самого хана, подписывающагося въ стихахъ «Фирузъ». Редактируетъ это изданіе Ахмедъ-Табибъ³⁾. Въ Таза-багѣ я посѣтилъ лучшаго въ Хивѣ придворнаго каллиграфа, рѣзчика печатей, отливателя пушекъ и часового мастера Худай-бергенъ-дивана.

1) О немъ см. также въ статьѣ А. Калмыкова «Хива» (Протоколы Турк. кружка любит. археологій, годъ XII, стр. 56).

2) Литографія существуетъ (съ перерывами) съ начала 70-ыхъ годовъ XIX столѣтія, но до меня о ней, насколько мнѣ извѣстно, никто не сообщалъ.

3) Свою коллекцію литографированныхъ и рукописныхъ книгъ я передалъ въ Азіатскій Музей. Описанію ханскихъ библіотекъ я посвящаю отдѣльную статью.

Его Сіятельство наслѣдникъ Исфендіаръ-тюря присылалъ мнѣ для просмотра на домъ рядъ рукописей, часть которыхъ была оставлена мнѣ въ подарокъ. Книжныя подношенія получилъ также отъ Исламъ-Ходжи и Хусейнъ-бега; оба знаютъ русскій языкъ и выписываютъ русскія и мусульманскія газеты. Я отдаривался упомянутыми выше изданіями Бораганскаго, а хану и наслѣднику я кромѣ того поднесъ по экземпляру изданія проф. П. М. Меліоранскаго «Шейбани-намэ».

Въ г. Хивѣ стали поступать ко мнѣ въ качествѣ подарковъ и старинныя монеты, которыхъ къ концу путешествія по ханству у меня собралось порядочно, — преимущественно хорезмійскія: золотыя, серебряныя и мѣдныя¹⁾.

Въ г. Хивѣ-же я началъ дѣлать фотографическіе снимки; всего за путешествіе я израсходовалъ 8 дюжинъ пленокъ изъ 30, данныхъ мнѣ этнографическимъ музеемъ Академіи Наукъ; больше не паснималъ, во-первыхъ, изъ-за лишней экономіи, а, во-вторыхъ, потому, что былъ стѣсненъ въ фотографированіи и, напримѣръ, не имѣлъ доступа къ женщинамъ, не только городскимъ, но и сельскимъ, включая туркменокъ; къ концу, вѣроятно, отъ жары испортился аппаратъ.

IV. Отъ г. Хивы до г. Стар. Ургенча (27 мая — 7 іюня).

Составленный мною въ Петро-Александровскѣ при содѣйствіи ген. Н. Г. Глушановскаго примѣрный маршрутъ моей поѣздки по Хивинскому ханству я пересмотрѣлъ въ г. Хивѣ вмѣстѣ съ Исламъ-Ходжой и сократилъ на два пункта: Змукширъ и Нукусъ; во время поѣздки я еще выбросилъ (изъ-за затопленія пути) Мангытъ, такъ что я проѣхалъ въ концѣ концовъ по пути: г. Хива, Газаватъ, Тахта-базаръ, Ташаузъ, Иляллы, Акъ-тепе, Куня-Ургенчъ, Ходжейли, Порсу, Клычъ-Ніязъ-бай, Гурленъ, Новый Ургенчъ, г. Хива, Ханка и Петро-Александровскъ.

Когда насталъ день моего отъѣзда изъ города Хивы, ханъ далъ мнѣ въ спутники полковника (јуз-башы) своей придворной стражи Ба-

1) Монеты переданы мною въ восточный музей при факультетѣ восточныхъ языковъ.

тырь-бая съ нѣсколькими неукерами (число ихъ въ пути мѣнялось отъ 2 до 3), а наслѣдникъ, который высылалъ за мной въ Ханка свой городской экипажъ, предоставилъ мнѣ теперь русскій тарантасъ, пару лошадей подъ который должны были выставять попутные хакиды. Всѣмъ попутнымъ хакимамъ было послано Исламъ-Ходжой¹⁾ увѣдомленіе о моемъ приѣздѣ, общая инструкція о содѣйствіи была вручена Батырь-баю, а для хакима Куня-Ургенча Исламъ-Ходжа далъ мнѣ особое письмо. До Ташауза со мной въ тарантасѣ ѣхалъ Медеминъ-бай. Хакиды выѣзжали ко мнѣ навстрѣчу сами или высылали своихъ наибовъ (نایبъ) съ неукерами. Въ округахъ съ безпокойнымъ туркменскимъ населеніемъ, особенно іомудами, гдѣ вооруженные неукеры содержатся въ большомъ количествѣ, высылаемый мнѣ почетный караулъ достигалъ внушительныхъ размѣровъ. Дороги за малыми исключеніями вполне удобны для ѣзды по нимъ въ экипажѣ, и мостовъ объѣзжать не приходилось, но съ лошадьми часто изрядно мучились, такъ какъ рѣдко гдѣ онѣ приучены къ русской запряжкѣ, да еще парой. Кое-гдѣ ѣхали цугомъ, мѣстами тарантасъ валился съ лошадьми въ арыкъ, иногда, отѣхавъ отъ калы (резиденція хакима), приходилось поочередно перепрыгать напробу лошадей неукеровъ, такъ какъ данныя хакимомъ отказывались ѣхать; разъ, подъ Ташаузомъ, дѣло дошло до выпряжки лошади у проѣзжаго арбакеша. Въ полосѣ, отдаленной отъ Аму-дарьи, погода стояла пріятная и комаровъ не было. Останавливался въ замкахъ (кала) хакимовъ или въ ханскихъ садахъ (Тахта-базаръ, Ияллы, Акъ-тепе). Всюду встрѣчалъ гостепріимный приемъ и получалъ содѣйствіе, но въ нѣкоторыхъ мѣстахъ—особенно (Тахта-базаръ, Куня-Ургенчъ, Порсу, Клычъ-Ниязъ-бай, Ханка).—Однако, въ населеніи ходили насчетъ меня невыгодные для моихъ занятій слухи, то будто я—миссіонеръ, то будто я ищу свободныхъ земель для переселенцевъ и т. п. Эти слухи и официальная обстановка моего путешествія, къ сожалѣнію, помѣшали мнѣ его должнымъ образомъ использовать. Получилась только *общая научная развѣдка*.

Выѣхавъ изъ Хивы въ 12 ч. утра по мусульманскому времени, я былъ въ Газаватъ въ 4 ч. (4 таша); черезъ два часа тронулся дальше и въ

1) Исламъ-Ходжа, не занимая официального поста, обладаетъ огромнымъ влияніемъ на хивинскія дѣла, какъ представитель духовнаго рода ходжей при ханѣ; достаточно сказать, что въ рукахъ Исламъ-Ходжи находятся финансы страны.

10 ч. вечера былъ въ Тахта, гдѣ пробылъ до 6 ч. вечера 29 мая. Населеніе кругомъ іомудское, и бросается въ глаза большое количество вооруженныхъ берданками—«бързѣйкѣ», какъ говорятъ хивинцы,—это все «кандары» и «хостары», т. е. представители искомой и ищущей стороны въ исполненіи ужаснаго обычая кровной мести; утромъ 29 мая, въ базарный день подъ крѣпостцой Тахта произошла перестрѣлка съ жертвами — соблюли обычай!

Съ 29 вечера до 31 утра прожилъ въ Ташаузѣ; выѣхавъ отсюда на каюкѣ по каналу Шах-авадъ въ 9 ч. 40 м. утра по мусульм. времени, я въ 3 ч. дня достигъ Иляллы. На каюкѣ, шедшемъ внизъ по теченію, да еще влекомомъ на лямкѣ коннымъ бурлакомъ, стоялъ мой тарантасъ; Батыръ-бай ѣхалъ со мной, а неукеры скакали сухопутьемъ, прихвативъ коня Батыръ-бая. Въ Иляллы оставался до утра 5 іюня, когда переѣхалъ въ Акъ-тепе (4¼ часа пути), а оттуда утромъ 7 іюня направился въ Старый Ургенчъ, котораго достигъ чрезъ 6 часовъ. Здѣсь я прожилъ до утра 12 іюня.

На остановкахъ собиралъ свѣдѣнія о племенномъ и родовомъ составѣ мѣстнаго населенія и старался уловить особенности мѣстнаго говора. Слушалъ народныхъ пѣвцовъ разныхъ племенъ и отмѣчалъ какъ ихъ репертуаръ, такъ и особенности ихъ пѣнія и музыки. Продолжалъ изучать господствующій въ ханствѣ хивинско-сартовскій говоръ, записывая сказки, рассказы¹⁾, загадки, отдѣльныя выраженія и слова, въ томъ числѣ: названія базаровъ, административныхъ должностей, ремесленныхъ цеховъ, растений и животныхъ, отдѣльных частей человѣческаго жилья, различныхъ мѣръ, термины родства, мужскія и женскія имена, клички собакъ и лошадей, привѣтствія, ругань и т. д., и т. д. Наблюдалъ бытъ и нравы мѣстныхъ жителей.

Моиими постоянными наперсниками были упомянутый Батыръ-бай и его неукеръ Худа-вергенъ. Юзъ-баши Батыръ-бай, правнукъ Ходжешъ-Мерема и праправнукъ Алла-верди-Атчапана, алтынъ-джилоупцевъ, съ которыми имѣлъ дѣло во время своего путешествія Муравьевъ, — учился въ медресѣ, былъ хакимомъ въ Иляллы и Конградѣ, служилъ русскимъ во время текинской экспедиціи,

1) Одинъ рассказъ въ русскомъ переводѣ напечатанъ уже въ IV вып. «Живой Старины» за 1908 г.

имѣть въ обиходѣ два русскихъ слова: «чѣто» (что) и «канді-
латъ» (кандидатъ), считается храбрымъ воиномъ, отличается боль-
шимъ благочестіемъ, любитъ душеспасительное чтеніе, человѣкъ осто-
рожный и дипломатичный; онъ охотно освѣдомлялъ меня о томъ, что
онъ, какъ мулла, не считалъ пустяками, а за послѣдними всегда напра-
влялъ меня къ Худа-вергену. Неукеръ Худа-вергенъ, сорокалѣтній
неграмотный хивинскій сартъ, за свою симпатичную мужиковатость
получившій отъ Батыръ-бая, своего начальника, кличку «бабаі» (такъ
зовутъ въ Хивѣ не всѣхъ русскихъ, а исключительно ссыльных ураль-
цевъ), прекрасно дополнялъ Батыръ-бая по части «пустяковъ» (бі-
мані сѳз), т. е. простонародной словесности; подъ его диктовку я за-
писалъ двѣ большихъ хивинско-сартовскихъ сказки, помимо разныхъ
другихъ мелочей. Простодушный Худа-вергенъ привязался ко мнѣ
самымъ искреннимъ образомъ, и я вспоминаю его и его начальника
съ чувствомъ теплой благодарности.

Въ Тахта я имѣлъ дѣло съ туркменами-іомудами, въ Ташаузѣ—
съ узбеками, въ Ияллы—съ туркменами: имрели, карадашлы,
чандыръ, агаръ, въ Акъ-Тепе—съ гокланами (тоже туркмены),
въ Куны-ургенчѣ—съ іомудами, казакъ-киргизами, кара-кал-
паками.

Въ Тахта слышалъ знаменитаго іомудскаго бахшы Шаммаръ,
въ Ташаузѣ видѣлъ масхарабазовъ: два мальчика въ пестрыхъ
костюмахъ сначала граціозно танцовали подъ звуки частью рус-
ской гармоникѣ, частью оркестра изъ двухъ сурнъ и одного бубна,
потомъ паясничали, перемѣняя костюмы и пародируя какъ отдѣльныя
профессіи (мулла, циркульникъ), такъ и отдѣльныя народности (турк-
мены, казакъ-киргизы); играли очень живо и остроумно, но мѣстами
слишкомъ неприлично. Подъ Ияллы посѣтилъ «Братскую могилу вои-
новъ, убитыхъ въ дѣлахъ съ туркменами 13 и 15 іюля 1873 г. у сел.
Чандыръ» и убѣжище дервишей (календер-хана). Въ Акъ-Тепе встрѣ-
тился и много бесѣдовалъ съ хакимомъ Куны-Ургенча, поэтомъ Шейхъ-
Назаръ-баемъ, однимъ изъ образованнѣйшихъ и энергичнѣйшихъ
сановниковъ ханства; онъ ѣхалъ въ г. Хиву.

V. Отъ Стар. Ургенча до Петро-Александровска (7 іюня—26 іюня).

Въ Старомъ Ургенчѣ (въ хивинскомъ просторѣчїи Кѡнй, изъ перс. كونه, безъ прибавки имени Ургенчъ) я прожилъ съ 7 до 12 іюня (5 дней); кромѣ занятій въ указанныхъ выше направленїяхъ я употреблялъ здѣсь время на осмотръ памятниковъ мѣстной старины и на ихъ фотографированіе. За послѣднее время окрестности Ст. Ургенча снова пришли въ цвѣтущее, можно сказать, состояніе благодаря, главнымъ образомъ, тому, что рядомъ энергичныхъ мѣръ приведены въ полное повиновеніе іомуды. Между прочимъ помимо иррегулярной конницы мѣстный энергичный хакимъ Шейхъ-Назаръ-бай завелъ казачій отрядъ на русскій образецъ; отрядъ состоитъ преимущественно изъ казакъ-киргизовъ подъ командой знакомаго съ русскими порядками юз-баши, тоже казакъ-киргиза. Современный городъ лежитъ, какъ извѣстно, къ сѣверу отъ развалинъ, непосредственно къ нимъ примыкая (старое русло Амударьи проходить къ югу отъ развалинъ); поля и сады надвигаются на площадь руинъ съ трехъ сторонъ (З. С. В.), и площадь эта замѣтно уменьшается: видно, какъ хивинцы очищаютъ почву отъ камней, выравниваютъ ее, бороздятъ оросительными канавами, удабриваютъ разсыпаніемъ плодородной привозной земли, — словомъ, насаждая новую культуру, вытравляютъ на вѣки слѣды минувшаго... За что можно, пожалуй, не опасаться, это — за тѣ изъ уцѣлѣвшихъ построекъ, которыя дѣлають Ст. Ургенчъ, интересный для насъ, — святымъ для хивинцевъ: за надгробія. Могилы, особливо, святыхъ берегутся весьма бдительно: надмогильные камни укутаны въ нѣсколько покрывалъ и охраняются шейхами отъ расхищенія и порчи; хивинцы, проученные горькимъ опытомъ, очень остерегаются заѣзжихъ купцовъ изъ немусульманъ, промышляющихъ между прочимъ и древностями. — Я набросалъ наглазомѣръ планъ мѣстности со старинными постройками или ихъ остатками. При объѣздахъ развалинъ меня всегда сопровождалъ ургенчскій Рейсъ-Ишанъ, скромный, простой, но весьма начитанный и умный блюститель правовъ изъ кара-калпаковъ.

Знакомился съ пѣніемъ и музыкой казакъ-киргизовъ и кара-калпаковъ и записывалъ тексты на этихъ нарѣчїяхъ. Присутствовалъ на представленіи шутовъ-любителей; пародировали: казакъ-киргизскихъ

плакальщицъ, сартовскихъ и персидскихъ бачей, «совѣтъ русскихъ генераловъ передъ взятіемъ Гѣкъ-тепе». Въ хивинскихъ городахъ любятъ эти пародированья, и профессиональныя, и любительскія, но исполнителями въ нихъ выступаютъ не узбеки и чаще не хивинскіе уроженцы вообще, а выходцы изъ Бухары, Ташкента, Персіи, Афганистана. Мулла Джума-Ніязъ сообщилъ мнѣ хивинскую сатиру на казакъ-киргизовъ. Въ Стар. Ургенчѣ я напалъ на слѣдъ стиховъ, посвященныхъ 1873 году, но только въ Ходжейли мнѣ удалось заполучить два отрывка изъ нихъ; въ полномъ объемѣ «Хорезм-намэ» для меня оказалась недоступной, равно какъ и произведенія хивинскихъ поэтовъ.

По дорогѣ въ Ходжейли (12 іюня) я осматрѣлъ и сфотографировалъ кладбище съ мавзолеемъ «Мазлумъ-Сулу» и развалины крѣпости Гяуръ-Кала (1 фарсахъ, или ташъ отъ Ходжейли). Въ Ходжейли начались комары, хотя тамъ говорятъ, будто городъ заговоренъ какимъ-то святымъ отъ этихъ насѣкомыхъ. Купилъ: 1) рукопись (түркі) со сказаніями о взятіи Хорезма Чингизъ-ханомъ и о мученической кончинѣ Шейха Неджм-уд-дина Кубра, 2) пару ножей, производствомъ которыхъ славится Ходжейли.

Въ Порсу, округъ котораго населенъ туркменами племени чоудоръ, пробылъ съ 14 до 17 іюня. Здѣсь я впервые видѣлъ тотъ пережитокъ шаманства у мусульманскихъ турковъ, который у казакъ-киргизовъ называется «баксы», а у хивинскихъ туркменовъ и узбековъ — «порхан». «Порхан», это мужчина или женщина, приводящіе себя въ изступленіе причитаніями подъ удары въ бубенъ (безъ колотушки) и въ такомъ состояніи изгоняющіе изъ больныхъ нечистый духъ или предсказывающіе будущее. Хивинскіе сарты называютъ такихъ людей арабско-перс. словомъ «палмін» (= fāl + bīn, فالبین). Я видѣлъ мужчину, одѣтаго въ женское красное платье и съ краснымъ платкомъ на головѣ. — Слышалъ знаменитѣйшаго во всемъ ханствѣ бахшы Сўјёу, 58 лѣтъ, чоудорца. Купилъ: 1) коллекцію чоудорскихъ вышивокъ шелкомъ на рубашкахъ, кисетахъ для денегъ, табаку и чаю и на калпакахъ старой, остроконечной формы, нынѣ почти вышедшей изъ употребленія во всемъ ханствѣ¹⁾; 2) два образца ковроваго производ-

1) А. Калмыковъ въ цитованной выше статьѣ отмѣтилъ: «Вышивокъ я не видѣлъ вовсе» (стр. 59).

ства у чоудоровъ; 3) серьгу, носимую въ носу чоудорками. Такую-же серьгу, но узбекскую, купилъ въ Ст. Ургенчѣ (для этн. муз. Акад. Наукъ).

По дорогѣ въ Гѣкъ-чеге и Клыч-Ніяз-бай сфотографировалъ развалины Будум-Сазъ (17 іюня). Позавтракавъ и отдохнувъ въ Гѣкъ-чеге, гдѣ меня встрѣтилъ хакимъ Клыч-Ніяз-бая, Рахманъ-Бергенъ-Аталыкъ, внукъ Алла-кули-хана, я проѣхалъ въ Клыч-Ніязъ-бай и оставался здѣсь до 19 іюня. Хакимъ, пожилой человѣкъ, любитель соколиной охоты, сообщилъ мнѣ много интереснаго о перемѣнахъ въ хивинскомъ быту, одеждѣ, пищѣ за послѣдніе 30—35 лѣтъ подъ вліяніемъ туркменовъ, ногаевъ (по-русски «татары»), кызылбашей (т. е. персіянъ) и русскихъ.

19 іюня полудневалъ въ Кытаѣ, въ саду Рахманъ-Бергенъ-Аталыка, а вечеромъ былъ въ Гурленѣ. По дорогѣ видѣлъ поселенія туркменскаго племени арвачи. Гурленскій округъ населенъ преимущественно узбеками, и я наблюдалъ узбекскую рѣчь, слушая сказочника изъ племени канглы.

Выѣхавъ изъ Гурлена 21 іюня на разсвѣтѣ, я имѣлъ «чашкәлік» (изъ перс. چاشتگاهъ и тур. لیک, остановка для завтрака) въ Янгы-базарѣ, а въ Новый Ургенчъ прибылъ около полудня. Русскіе, живущіе въ Хивинскомъ ханствѣ (почти исключительно уральцы), называютъ этотъ городъ — Ургенчі и говорятъ: въ Ургенчѣхъ, изъ Ургенчѣй и т. д. Проведя здѣсь слѣдующій день въ полномъ бездѣйствіи изъ-за жары, я вечеромъ 22 іюня былъ уже снова въ г. Хивѣ, чтобы отблагодарить хивинское правительство за гостепріимство и поработать еще нѣсколько дней на прощанье въ столицѣ. Я купилъ инструменты и образчики бумажныхъ узоровъ для рѣзбы по дереву (на дверяхъ, колоннахъ). 25 іюня ночью я выѣхалъ изъ Хивы, рано утромъ 26-го былъ въ Ханка (пришлось много колесить, такъ какъ изъ-за начавшагося подъема воды въ Аму-дарѣ снесло много мостовъ), а подвечеръ — въ Петро-Александровскѣ.

По приѣздѣ въ г. Хиву я узналъ, что вскорѣ по моемъ отбытіи изъ Старога Ургенча, тамъ случился грандіозный пожаръ, уничтожившій весь базаръ.

VI. *Петро-Александровскъ — Чарджуй.*

Въ Петро-Александровскѣ я оставался до вечера 2 іюля, когда переѣхалъ на пароходъ, ушедшій въ Чарджуй 3 іюля. 28 іюня вечеромъ я выѣзжалъ изъ П.-А. на развалины Гуль-Дурсунъ, за 30 верстъ, которыя осматривалъ и фотографировалъ весь день 29 іюня; со мной ѣздилъ мировой судья, любитель древнихъ монетъ А. М. Герасимовскій и, по распоряженію генер. Глушановскаго, техникъ орошенія, знакомый съ мѣстомъ. Въ Петро-Александровскѣ я купилъ узбекскій женскій головной уборъ «лѣчакъ» и фотографировалъ нѣсколько туземныхъ женщинъ.

Съ хивинскимъ обществомъ я разстался только въ Чарджуѣ, 9 іюля, такъ какъ путь по Аму-дарѣ совершилъ вмѣстѣ съ хивинскимъ наслѣдникомъ, Исфендіаръ-тюрей и его свитой, ѣхавшими въ Ташкентъ представляться новому генералъ-губернатору. Первыми лицами въ свитѣ были старо-ургенчскій хакимъ Шейхъ-Назаръ-бай и караванъ-башы (министръ торговли) Метъ-Вефа-бай, владѣющій русскимъ языкомъ.

Считаю своимъ долгомъ выразить благодарность всѣмъ тѣмъ лицамъ, о содѣйствіи которыхъ я упоминалъ въ своемъ отчетѣ, а также слѣдующимъ учрежденіямъ: И. Спб. Университету и Русскому Комитету—за назначеніе мнѣ командировочныхъ средствъ (600 и 400 р.); Азіатскому Отдѣлу Главнаго Штаба и Канцеляріи Туркестанскаго Генералъ-Губернатора—за распоряженія о содѣйствіи мнѣ на мѣстахъ.

С.-Петербургъ, 24 ноября 1908.

Отчетъ о поѣздкѣ въ Кульджинскій районъ Ф. В. Муромскаго въ 1907—1908 г. г.

11—24 июня 1907 года я выѣхалъ изъ С.-Петербурга и ровно черезъ мѣсяцъ пріѣхалъ въ Кульджу. Такъ какъ въ нашемъ Консульствѣ было уже получено разрѣшеніе на въѣздъ и жительство въ поселеніяхъ сибинцевъ и солоновъ, то 31 іюля — 13 августа я отправился въ китайскій городъ Алимту, гдѣ въ настоящее время живутъ оцкорь-солоны и дахуры. Здѣсь я намѣревался пробыть до наступленія холодовъ, съ тѣмъ чтобы зиму провести въ Кульджѣ и посвятить занятіямъ сибинскимъ діалектомъ.

Въ Алимту солонскимъ ухэридою мнѣ былъ отведенъ домъ занимаемый канцеляріей и прикомандированъ въ качествѣ учителя оцкорь-соловъ Кадунъ. Въ половинѣ сентября начались дожди и холода, сдѣлавшіе дальнѣйшее пребываніе въ Алимту совершенно невозможнымъ, и я вернулся въ Кульджу 16—29 сентября.

При просмотрѣ зимою въ Кульджѣ сдѣланныхъ записей выяснилась необходимость вторичной поѣздки въ Алимту. Поэтому съ наступленіемъ весны я снова отправился туда и занимался съ оцкорь-солономъ по имени Хайдуңа. Лѣтомъ продолжалъ записъ лингвистическаго матеріала въ Кульджѣ. Наконецъ, сдѣлавъ маленькую экскурсію къ зарѣчнымъ сибинцамъ, въ половинѣ августа 1908 года выѣхалъ въ С.-Петербургъ.

Въ настоящее время тунгусскія народности въ Кульджинскомъ районѣ представляютъ четыре племенныхъ группы: манджуры, сибинцы, оцкоры и, быть можетъ, дахуры.

Манджуры живутъ въ Новомъ городѣ (Синь-чэн или Хуй-юань-чэн) и дѣлятся на старыхъ (фэ манцу) и новыхъ манджуръ (ичэ манцу). Старые пришли съ войсками еще въ XVIII ст. для усмиренія Джунгаріи, новые же образованы въ 17 году правленія Гуан-суй (въ 1891 г.) изъ сибинцевъ, живущихъ къ югу отъ рѣки Или. Старые манджуры окитаились и позабыли манджурскій языкъ, новые говорятъ по сибински. Такимъ образомъ въ лингвистическомъ отношеніи существуютъ только три группы — сибинская, оцкорская и дахурская.

Общія свѣдѣнія о *сибинцахъ* и ихъ языкѣ мною были собраны во время поѣздки 1906 г. и помѣщены въ № 7 «Извѣстій» Русск. Ком. Въ настоящую поѣздку я продолжалъ изучать сиби́нскій разговорный языкъ, при чемъ записывалъ какъ отдѣльныя фразы, такъ и образцы народнаго творчества, главнымъ образомъ сказки; всего мною записано 32 сказки и 2 пѣсни, что составляетъ 243 стр. in — 4°.

Дахуры и *оңкоры* были переведены для колонизаціи края и защиты границъ въ 28 г. правленія Цянь-лунъ (1763) и сначала поселились въ г. Баяндай, при чемъ оңкоры, составившіе три роты, образовали правое крыло, а дахуры (также 3 роты) — лѣвое. Затѣмъ, по докладу Илійскаго дзян-дзюня Бу, было разрѣшено образовать изъ прежнихъ 6 ротъ — 8, сообразно 8-знаменной организаціи манджурскихъ войскъ, а именно четыре роты дахуровъ и четыре оңкоровъ съ соотвѣтствующими знаменами. Эти 8 ротъ въ официальной перепискѣ именуются солонскими. Вскорѣ солоны, т. е. оңкоры и дахуры, были передвинуты на крайній западъ владѣній Дай-цинской династіи. Оңкоры заняли при этомъ мѣста къ западу отъ р. Хоргоса, а именно: простое желтое знамя Чэдзи около ст. Аккентъ, простое красное — Чичиканъ между Аккентомъ и Джаркентомъ, красное съ каймой-Самалъ (Джаркентъ) и синее съ каймой-Тургэнъ между Джаркентомъ и Борохудзиромъ. Дахуры поселились къ востоку отъ р. Хоргоса: желтое съ каймой знамя — къ югу отъ китайскаго Хоргоса или Чэн-пань-цзы, простое синее — Фусэку, простое бѣлое — Алимту (это Алимту находилось въ пяти верстахъ отъ китайскаго Хоргоса и было разрушено во время дунганскаго возстанія) и бѣлое съ каймой — Кэ, къ западу отъ Алимту. Въ концѣ правленія Дзя-цинъ и въ началѣ правленія Дао-гуанъ число оңкоровъ, вслѣдствіе главнымъ образомъ столкновеній съ киргизами, сильно уменьшилось, такъ что для пополненія убыли потребовалось троекратное переселеніе зарѣчныхъ сиби́нцевъ въ роты оңкоръ-солоновъ. Въ первый разъ было выселено 600 человекъ, во второй также 600, а въ третій разъ ушло много родственниковъ переселенныхъ прежде; всѣ переселенные также стали называться въ официальной перепискѣ солонями. Въ правленіе Сянь-фынъ была выстроена стѣна въ селеніи Тургэнъ (самомъ западномъ селеніи, вѣроятно, наиболѣе страдавшемъ отъ нападений киргизовъ); въ остальныхъ 7 ротахъ стѣнъ не было. Во время дунгано-таранчин-

скаго возстанія оңкеры и дахуры участвовали въ бояхъ противъ дунганъ и таранчей. Но послѣ паденія городовъ Суй-динъ и Хуй-юань-чэнъ дахуры бѣжали сначала въ роты оңкоровъ. При дальнѣйшемъ наступленіи дунганъ оңкеры изъ сумуновъ Чэдзи и Самала были посредствомъ обмана частью перебиты, частью захвачены въ плѣнъ; оңкеры же Чичикана и Тургэна бѣжали въ Борохудзиръ, гдѣ находился русскій гарнизонъ. Часть ихъ осталась въ Борохудзирѣ и съ русскими войсками вернулась обратно, большинство же черезъ русскіе предѣлы ушло въ Тарбагатай. Послѣ занятія Илійскаго края русскими войсками плѣнные оңкеры были, по требованію русскихъ, возвращены таранчами и, соединившись съ оңкорами, пришедшими вмѣстѣ съ русскими, образовали поселки около Чэдзи и Самала. Послѣ передачи Кульджи Китаю оңкеры были поселены на нынѣшнемъ ихъ мѣстѣ жительства, а именно въ Алимту (таранч.-Алмату); въ 9 году къ нимъ были присоединены переведенные дзян-дзюнемъ Дзин'омъ изъ Тарбагатая 200 человѣкъ. Тѣмъ же дзян-дзюнемъ была сдѣлана новая разверстка по знаменамъ всѣмъ жителямъ г. Алимту и образовано снова 8 знаменъ, при чемъ оңкеры попали въ разныя знамена. Въ 20 году Гуан-ской была выстроена кругомъ селенія стѣна, и городъ Алимту получилъ свой настоящій видъ. Однако названіе «Алимту» ни самими жителями ни въ китайской официальной перепискѣ не употребляется. Жители называютъ его «нашъ аймакъ» (мусей айман); въ официальной же перепискѣ — солонскій лагерь (солоні куаран).

Главный контингентъ населенія этого городка составляютъ зарѣчные сибинцы, переведенные въ разное время для пополненія вымиравшихъ оңкоръ-солонцовъ; изъ 2000 жителей Алимту почти 90% — сибинцы. Второе мѣсто занимаютъ дахуры около 200 человѣкъ и, наконецъ, оңкеры — 30. Однако цифры эти нельзя считать точными, вслѣдствіе существованія смѣшанныхъ семействъ, гдѣ, напримѣръ, мужъ-сибинецъ, а жена-дахурка или оңкорка и наоборотъ.

При вѣздѣ въ Алимту поражаетъ крайняя бѣдность его обитателей. Стѣны и ворота отдѣльныхъ домовъ находятся въ самомъ жалкомъ состояніи. Во многихъ домахъ ворота замѣнены просто слогой, положенной поверхъ полуразрушившейся стѣны. Въ большинствѣ домовъ полное отсутствіе надворныхъ построекъ. Неприглядны и самые дома, состоящіе въ большинствѣ случаевъ только изъ двухъ комнатъ,

отдѣленныхъ одна отъ другой перегородкой съ широкимъ входомъ по срединѣ. Одна изъ комнатъ служить кухней, другая и пріемной и столовой и спальней. Грязь въ обѣихъ комнатахъ одинакова. У болѣе богатыхъ хозяевъ полъ въ домахъ каменный, у бѣдныхъ земляной. На канахъ въ большинствѣ домовъ лежитъ только циновка, въ рѣдкихъ случаяхъ — войлокъ и еще рѣже — дешевые ковры.

По обычаямъ жители г. Алимту не отличаются отъ зарѣчныхъ сибиряковъ. Правда, вынужденная жизнь въ русскихъ предѣлахъ во время дунгано-таранчинскаго возстанія дала имъ поверхностное знакомство съ русской культурой. Но оно не отразилось на образѣ жизни общей массы. Только у зажиточныхъ хозяевъ есть самовары, часы, эмалированная посуда, зеркало съ музыкой...

Обращаетъ особое вниманіе развитіе опиумокурения. Курятъ не только мужчины, но и женщины и дѣти. Самъ ухэрида также куритъ опиумъ и, конечно, не можетъ оказать никакого сдерживающаго вліянія на своихъ подчиненныхъ. Опиумъ не только курятъ, но и ѣдятъ, запивая чаемъ. По словамъ самихъ солоновъ, потребляютъ опиумъ 80—90% населенія. Опиумъ употребляется въ качествѣ лекарства почти отъ всѣхъ болѣзней. Цѣна опиума очень высока, весной и лѣтомъ доходитъ до 5 рублей и выше за фунтъ.

Солоны подчинены Илійскому дзян-дзюню, съ которымъ ихъ непосредственный начальникъ-ухэрида сносится черезъ особаго солонскаго мэйень-амбаня, живущаго при дзян-дзюнѣ.

Въ Алимту находится одна кумирня, посвященная Гуань-ди. По религіи солоны — конфуціане. При численіи времени пользуются китайскимъ календаремъ, присылаемымъ изъ Пекина.

Обращаясь къ языкамъ Алимтинскихъ жителей, необходимо отмѣтить, что основнымъ и официальнымъ языкомъ является сибирскій. Письменные же сношенія ведутся на древнемъ манджурскомъ языкѣ.

На оңкорскомъ языкѣ говорятъ только немногочисленные оставшіеся въ живыхъ оңкоры (около 30 душъ); ни сибирцы ни дахуры его не понимаютъ. Оңкоры, будучи силой необходимости принуждены говорить на другихъ языкахъ, перенесли изъ нихъ много словъ и въ свой говоръ. Главныя заимствованія сдѣланы изъ сибирскаго и китайскаго языковъ. При всемъ этомъ основа языка тунгусская, сблизжающая ихъ съ сибирскими тунгусами. Подобно этимъ послѣднимъ

они называютъ себя аѡеңкі. Оңкорскій языкъ, такъ же какъ и другія тунгусскія нарѣчія, имѣетъ спряженія не только по наклоненіямъ и временамъ, но по числамъ и лицамъ.

Въ виду особенной трудности оңкорскаго языка все время моихъ занятій ушло на запись и провѣрку лексическаго матеріала, выясненіе фонетическаго состава, грамматическихъ формъ. Мною записано болѣе 2000 оңкорскихъ словъ, 3 сказки и нѣсколько сентенцій. Не могу не отмѣтить совершеннаго упадка народной оңкорской литературы и вытѣсненіе ея сибирской. Даже самый языкъ забывается. Пройдетъ немного лѣтъ, и объ оңкорскомъ языкѣ въ Илійскомъ краѣ останется одно воспоминаніе.

Нѣсколько болѣе широкое распространеніе въ Кульджинскомъ краѣ имѣетъ дахурскій языкъ. На немъ, кромѣ чистыхъ дахуровъ (дахур), говорятъ еще всѣ оңкоры и многіе сибирцы. Онъ однако представляетъ собою скорѣе не тунгусское нарѣчіе, а одно изъ многочисленныхъ нарѣчій монгольскаго языка, лишь съ извѣстною примѣсью тунгусскаго элемента. Лексическій строй рѣчи свидѣтельствуетъ объ этомъ почти съ полною очевидностью. Положеніе дахурскаго языка въ ряду другихъ монгольскихъ нарѣчій можно будетъ опредѣлить послѣ тщательнаго сравненія лингвистическаго матеріала. Въ частности, сравнивая его съ халхаскимъ діалектомъ можно отмѣтить, что вмѣсто халхаскихъ «ц» и «з» мы здѣсь имѣемъ «ч» и «ц», вмѣсто долгихъ гласныхъ иногда двугласныя, напр. «час» — снѣг, «цалу» — молодой, «аул» — гора. По дахурскому языку я записалъ около 2000 словъ, 2 сказки и 5 пѣсенъ. Записано также много грамматическаго матеріала.

Выполненію возложеннаго на меня Русскимъ Комитетомъ порученія много содѣйствовали нашъ консулъ въ г. Кульджѣ С. А. Федоровъ и временно управлявшій консульствомъ А. И. Кухновъ. Драгоманъ консульства Вл. Н. Лавдовскій часто помогалъ при опредѣленіи запечаткованныхъ китайскихъ словъ. Означеннымъ лицамъ приношу мою глубокую и искреннюю благодарность.

Отчетъ о командировкѣ студента Восточнаго факультета Сергѣя Ефимовича Малова.

На лѣто 1908 года я былъ командированъ Русскимъ Комитетомъ въ Томскую (и Енисейскую) губернію для лингвистическихъ изслѣдованій среди томскихъ, чулымскихъ и кузнецкихъ татаръ и телеутовъ. Мнѣ удалось за лѣто сдѣлать наблюденія по нарѣчіямъ кузнецкихъ татаръ (абинское, черневое и шорское) и чулымцевъ. Я записалъ академической фонетической азбукой 23 пѣсни, 6 пословицъ, 28 загадокъ, 15 описаній разныхъ обычаевъ, 20 сказокъ, 9 примѣтъ и повѣрій, 5 преданій; записывалъ еще собственныя имена черневыхъ татаръ (152), деревень, горъ, рѣкъ; — названія мѣсяцевъ, дней, праздниковъ и проч.

Все это съ переводомъ, который въ настоящее время готовится, будетъ представлено послѣ, теперь же объ этихъ нарѣчіяхъ скажу только слѣдующее.

I.

Чулымское нарѣчіе¹⁾ принадлежитъ къ разряду восточныхъ ту-рецкихъ нарѣчій и, какъ таковому, ему свойственны всѣ общія черты нарѣчій барабинскихъ, алтайскихъ и абаканскихъ. Кромѣ того чулымское нарѣчіе: 1) отличается отъ другихъ нарѣчій своей ясностью и медленностью въ произношеніи.

2) Здѣсь есть звукъ «ц», встрѣчающійся еще только въ нарѣчіяхъ барабинск., кюэрикск., команскомъ, тобольскомъ, мишарскомъ и луцко-караимскомъ. Этотъ звукъ является больше въ говорѣ женскомъ, у мужчинъ же нерѣдко вмѣсто «ц» употребляется «ч».

1) Названное такъ по рѣкѣ Чулыму; я былъ въ слѣдующихъ селеніяхъ: Каштаково, Станокъ, Кохлаево, Бергаево, Апкашево (Ак-паш) и село Тутальское (Туталы) Мариинскаго уѣзда Томской губерніи.

Напр. пäläцäк, кіцігъ маленькій; сырца чайная чашка (сравн. османск. سرچه сырча горный хрусталь, стекло); чаїбуц полотенце; оуцка старикъ; пелцін ягода шиповника; Цöм Чулымъ (рѣка); ебец рубль; Максимъ суѣ іцäргä цык-парѣан Максимъ пошелъ пить воду.

3) Дательный падежъ ед. ч. отъ мѣстоим. «ол» = онъ — будетъ «ара» (мнѣ маѣ и мä, тебѣ саѣ и сä)¹⁾.

4) Будущее время (3 лица, единствен. числа) оканчивается на лук, lүк, тук, ук. Напр.

а) Пер оѣул ергетä барыбѣан аѣац арасы барѣан; кызылѣат бар, аны ол үл алѣан, аны ол үл пергäн кыстарѣа, кыс ара айткан: үл! сä кызылѣат öцүн нүн берүккүм? Ол үл айткан: кыс! сен мä кот бер, тен. Кыс ара айткан: сен мені оѣул күлбегil, а јесli аллук болсац, мен анда кот сä береimin. Когда то прежде шелъ юноша по лѣсу, (тутъ) была красная смородина, ее этотъ юноша взялъ и отдалъ дѣвушкамъ. (А одна) дѣвушка ему сказала: юноша! что я тебѣ дамъ за смородину? Тотъ юноша въ отвѣтъ сказалъ: дай мнѣ насладиться тобой. Дѣвушка отвѣтила ему: юноша, ты со мной не шути, а если возьмешь меня замужъ, то я согласна на твое предложеніе.

б) Изъ разсказа (съ рус.?): којанны мен тутсам, мен аны сатукум, епц'аллукум; епци алсам, ол курсактыѣ болук, ол туѣук, ол туѣса, үл болук. . . .

Если поймаю зайца, я его продамъ, возьму жену, она сдѣлается беременной и родить, а если родить, у меня будетъ сынъ. . . .

в) Пала келди: нöмä аѣа? пес еlini кырдым. Іцäң, туѣбан аларны балам, кайни еттүкпис? аѣа! мä чердä ацырѣанбокум. . . .

1) Сравн. во многихъ турецкихъ нарѣчіяхъ дат. пад. аѣар ему, мыѣар этому; въ Кудатку биликтъ маѣар мнѣ, саѣар тебѣ и casus directivus на ѣару, гäрү, ѣар, ру, рү (въ монг. яз. ру и лу). (см. W. Radloff, Die jakutische Sprache in ihrem Verhältnisse zu den Türksprachen. С.-Петербургъ. 1908 г., стр. 38 и его-же: Die alttürkischen Inschriften der Mongolei, Neue Folge; стр. 65, 75, 84—85). Въ другихъ нарѣчіяхъ дат. пад. мѣстоим. 3-го лица будетъ: ä, аѣа, аѣа, оѣа, оѣан, аѣар, äр, аѣарѣа (въ нѣкоторыхъ говорахъ каз.-татарск. нар.), оѣа, ениѣѣа, аѣѣа.

Ребенокъ пришелъ (и сказалъ): что нужно, отецъ? (Отецъ сказалъ:) я весь народъ истребилъ, что (теперь), сынокъ, мы будемъ дѣлать съ твоей матерью и сестрой? (Юноша отвѣтилъ:) батюшка, мнѣ на землѣ не-кого жалѣть. . . .

- г) Сен баруксун ты пойдешъ;
піс барукпыс мы пойдемъ;
слер баруксунар вы пойдете.

д) Чылбы көрсә пулан öŷürŷŷk. Если кто увидить (во снѣ) лошадей,—убьетъ сохатаго.

- 5) Повелит. накл. 2 лица мн. ч. (рѣже для единств. числа):
барыш идите!
kelіш приходите!

. . . . епці Тотон Тотонычтын öġдŷŷтö, слер пуѣба інекбе керек пашын кесіш!

. . . . Жена радовалась изъ-за Т. Т., вамъ быка ли, корову ли нужно, вы закалывайте! (Изъ сказки).

Ададын кырыш! Ругай(-те) собакъ!

- 6) Выраженія превосходной степени:
пердім кара самый черный;
пердім улуѣ самый большой;
наі улуѣ «шибко» большой.

Приведу еще нѣсколько образцовъ народной литературы чулымцевъ.

Охота на медведя.

Моѣалакка ўц кіжі барѣабыс. Моѣалак ордада болѣан. Піс аныг теләдібіс. Кар улуѣ болѣан. Піс аны теләп таппаныбыс; пер адаі болѣан. Ол адаі мен катымда олтуѣан¹⁾. Аның сѣнда адаі карны тырбабѣан. Тырбап, тырбап касыбѣан. Аның сѣнда моѣалак мѣ-клап²⁾ калѣан. Мен карындажымѣа айткан: тос соѣак! карындажым айткан тос

1) Сравн. еще формы: көреігә, парайѣа (въ друг. нарѣч. көрергә, парарѣа).

2) Мўкта (v) телеутск. мычать.

сојуп ертсә от көјісіп суџак; карындаш от көјісіп орда суџубџабыс аң сонда моџалак чітеп¹⁾ парџан. Сонда мен карындажымџа айткам: балтабла аџац кес! Ол аџашты орда суџубџабыс. Орда суџубыскабыс моџалак текрәбгән. Карындажым мә айткан: тробавік-бла ат! мен аны көрсәм іге караџы, мен іге караџы ортасынџа аткам. Аның сонда тўтўп боп-парџан. Мен карындажымџа айткам: пер төкпәц аңнатак пу ўтўғўнғә. Піс аны ітеп аңнатыбџабыс. Апың сонда пәләцәк аџац-была цукцуп көргәбіс. Сонда цукцаныбыс цым-цырык²⁾. Аң сонда төкпәц төтўр сўјўрғәбіс. Мен пәләцәк аџац была паз'ок цукцаным. Анда-ла сонда іжәнгәм өлўп-парџан. Аның сонда піс аны өс чўғәц-бістін паџап мен аны по колунџа таңам. Піс сөгрәткәбіс, кўңўбіс четпән. Аң сонда палтаблы³⁾ черін улуџла кесіп, андын чатып сөгрәткәбіс. Чамыџны соіџабыс. Сонда чамыџын шердә салџабыс. Салџабысты он іге карыш узуну болџан. Сонда ол моџалак чамыџы епкә 'kelğabes, епкә 'kelğabestі оуцкалар кеп көргән, көргән оуцка таңнан: улуџ чамыџ! Аның сонда паряхотка ол чамыџны капітанџа саткабыс он беш кірпіц чаі.

Мы пошли на медвѣдя втроёмъ. Медвѣдь былъ въ берлогѣ. Мы его разыскивали, (въ это время) былъ большой снѣгъ. Мы его (звѣря) искали, но не находили. У насъ была собака; собака находилась около меня. Собака стала скрести лапами снѣгъ и вырыла яму. Послѣ этого медвѣдь зарычалъ. Я сказалъ своему брату: надеремъ бересты! Мой братъ сдѣлалъ сказанное: надралъ и принесъ бересты. (Я сказалъ): зажѣгши огня, засунемъ (его въ логовище звѣря)! Мой братъ развелъ огонь и мы засунули его въ нору. Послѣ этого медвѣдь притихъ. Я сказалъ своему брату: руби топоромъ дерево! И это дерево мы засунули въ нору. Медвѣдь зашумѣлъ. Братъ сказалъ мнѣ: стрѣляй изъ дробовика (изъ ружья)! Я посмотрѣлъ (и увидѣлъ) два глаза. Я выстрѣлилъ въ середину этихъ глазъ. Когда дымъ разсѣлся, я сказалъ

1) См. R. W. III (= Радловъ, Опытъ словаря...) 2140—2141: чіт (v) sag. schog. = жіт (v) потеряться, исчезнуть.

2) R. W. III 2080: чырт (Kgm.) спокойный; чым-чырт совѣмъ спокойный; 1342: тым-тырыс полиѣйшая тишина.

3) Здѣсь конечное «ы» = ә (чувашск.); напр. левъ по чув. арыслан = кырг. арыстан; чув. сәра = каз.-татарск. сыра пиво.

брату: давай опрокинемъ къ логовищу пень. Столкнувши, пень мы привалили къ порѣ. Потомъ маленькимъ деревомъ мы начали щупать пору, дерево совершенно свободно входило туда. Тогда пень мы отвалили прочь (назадъ). Я снова прощупалъ деревомъ. Я убѣдился, что (звѣрь) умеръ. Послѣ этого мы (?) Мы тащили, но силы у насъ не хватало. Топоромъ мы увеличили нору, и насилу вытащили. Шкуру сняли, повѣсили на жердь; шкура была 12 четвертей. Затѣмъ шкуру принесли домой. Пришедши домой, собрались (сюда) посмотрѣть (на звѣря) старики. Старики дивились: большая шкура! Шкуру мы продали на пароходъ капитану за 15 кирпичей чая.

Преданіе.

Пурун кыдаі кижілері полбан; Ўстаі пѳѳк кашта чуртан. Аида кыштаѳ каскан. Таѳал туѳ пѳѳндаі сецеріндаі ѳц пуѳор пар. Алар кыдаі кижісі піс јасашні. Ол каіда кыстар тоѳашса аладаы. Пістің кижілер-біа кыдаі кижісі сабет полбан. Мылтык полбан; ок падак полбан, чыда полбан. Кырѳыс келәде ат-пыла тѳннѳ келәде, келсәле пістің кижіні кырып парады. Нун-боса пес а-парып-јат; пістің кижі кырѳыс келсә стаі алса каккалы каѳарѳа полса кырѳыс чылѳысың кабырѳасынѳа чапшун парады; пер колу-бла чылѳысын тенін тутуп, пер колу-была челәген¹⁾ тутуп парып-јат. Сонда пістің кижі кајук еткан, кајук етеп кырѳыс келерне пелсә Ўс пер чанѳа кајук-пла кеціп парады. От кѳјісің салады. Кырѳыс тѳннѳ келәде, кѳрсѳ от кѳјіп-тер. Кырѳыс чылѳысын кацуруп-тур андын ол чылѳысы чурттуп тур чуртуп келсә, Ўстѳ білер чоѳул, Ўскә секіріп патуп парук.

Когда то прежде были люди «кыдай». Они жили на высокомъ берегу рѣки Чулыма. Тутъ они выкопали себѣ зимовья. (Отъ нихъ остались и теперь) есть три бугра въ «Тагал-тугѣ» при изгибѣ рѣки, на мысу. Это (были) люди кыдай, а мы²⁾ ясашные. Между нами происходили браки и былъ миръ (букв. совѣтъ). Ружей (у насъ и у кыдайцевъ) не было, были лукъ и стрѣлы. Кыргыс³⁾ когда бывало

1) R. W. III 1976: чәл (v) османск. چلیک ударить саблей; 1978: чәлік چلیک осм., джаг. 1) сталь; 2)

2) Т. е. чулымскіе племени.

3) Дикоканенные киргизы или бураты.

проходить, обыкновенно ночью и верхомъ, то убиваетъ нашихъ людей. Все имущество забираетъ. Когда бывало проходить кыргызы (?) Когда кыргызы нападаютъ, онъ прижимается къ одной сторонѣ лошади и (при этомъ) одной рукой держитъ за поводъ лошади, а другой — мечъ. Затѣмъ, — у нашего народа были лодки. Узнавши о приближеніи кыргызовъ, (нашъ народъ) отправлялся на другую сторону рѣки Чулыма и зажигалъ (тамъ) огня. Вотъ приходятъ ночью кыргызы и видятъ огня. Кыргызы гонятъ лошадей, лошади скачутъ и, не замѣтивши (въ темнотѣ ночи) рѣки Чулыма, падаютъ въ рѣку и тонутъ.

Примѣта.

Турна, тацла-бѣзѣн¹⁾ кар-курузъ²⁾ тѣжер-болса, турна куш кобады. Если журавль подымается въ высъ, то завтра и послѣ завтра упадетъ иней.

Пѣсня.

Кѣн чыбышынга баш коідум
кѣмѣш чуфанныг ады ѡцѣн.
Мынца калыкка баш коідум
Чаңус чаш алыр ѡцѣн.
Аі чыбышынга баш коідум
алтун чуфанныг ады ѡцѣн.
Мынца калыкка баш коідум
Чаңус кыс алыр ѡцѣн³⁾.

На восходъ солнца я молился,
Просилъ коня съ серебряной уздой.
Многимъ людямъ поклонился,
Высватывая единственную молодую.

Мѣсяцу я молился: просилъ коня съ золотой уздой. Многимъ людямъ поклонился, высватывая единственную дѣвушку.

1) Пѣн сегодня (= пу+кѣн); тацла завтра; пѣзѣн и пѣзѣгѣн послѣ-завтра (паза+кѣн); кецѣ вчера, пурун табын и пурунтан третьяго дня.

2) R. W. II 737, 927: курѣ (алт.); кырафу (джаг. осм.) = иней.

3) Примѣры записаны въ с. Тутальскомъ (Туталы) со словъ старика Леонтія Васильевича Долбанова.

II.

Нарѣчія кузнецкихъ татаръ.

Существуетъ нѣсколько подраздѣленій кузнецкихъ инородцевъ (Томской губерніи) по племенамъ и нарѣчіямъ (напр. В. В. Радлова, протоіерея В. Вербицкаго и др.).

Мнѣ на своемъ пути между г. Кузнецкомъ и с. Таштыпъ (рр. Томъ, Мраса, Кобырза) пришлось наблюдать три нарѣчія: абинское, черневое и шорское.

Абинцы живутъ ближе къ г. Кузнецку. Самый Кузнецкъ называется Аба-тура; въ р. Томъ впадаютъ рѣки: Аба и Абашева, верстахъ въ 3-хъ отъ Кузнецка есть деревня Абинская (абалар).

Нарѣчія кузнецкихъ татаръ извѣстны болѣе чулымскаго по сочиненіямъ В. В. Радлова¹⁾, протоіерея Вербицкаго²⁾ и по нѣкоторымъ изданіямъ Православнаго Миссіонерскаго Общества³⁾. А потому я прямо приведу небольшіе отрывки изъ своихъ записей по каждому изъ этихъ нарѣчій.

А. Абинское нарѣчіе.

1) Начало сказки⁴⁾. Пурун пурун полѣбан. Пурунда пер апшак і курт'як кіжілер полѣбаннар. Ол-гіжілердің ұш ол полѣбан. Улуз өзіп парѣбан. Сонда парчазына пер ұіден (?) пұдұр-бергәйнәр. Пергүиннең іжіріндә паларына⁵⁾ айтқаннар: че паларым! парар poi-боіларыпың ұілерінә! парып уіталар! Лар парѣбаннар.

1) См. «Образцы народной литературы . . . », т. I.

2) Словарь алтайскаго и аладагскаго нарѣчій тюркскаго языка. Казань. 1884—1887 г. Алтайцы. См. Томск. губ. вѣд. 1869—1870 г. Алтайскіе инородцы. Сборникъ подъ ред. А. А. Ивановскаго. Москва. 1893 г., стр. 206—208.

3) Священная исторія на шорскомъ нарѣчій . . . Казань. 1883 г. Указаніе пути въ Царствіе небесное на шорскомъ нарѣчій. Казань. 1884 г. Грамматика Алтайскаго языка. Составлена членами Алтайской миссіи (архим. Макаріемъ и проф. Н. И. Ильминскимъ). Казань. 1869 г.

4) Записано со словъ Ив. Сем. Алексѣева; изъ улуса Часовникова.

5) «Палар» вмѣсто палалар; въ телеутск. тоже палар = дѣти.

Ертенгезиндә келіп абазы-’чезі сурағаннар пурнадала улуғ ылынаң нә тўш чериндә көрдўң теп. Азы¹⁾ айткан: тўш черимдә улуғ кра салып, аш көп аңмарға ур-чыткам²⁾ теп. Абазы-’чезі аға алғаннар. Аның ортаң ылына барғаннар. Ед’ок сурағаннар. Азы айткан: садығ садыжып көп парыш алчыткам-деп. Абазы-’чезі аға алғағаннар. Кичіғ ылына барып сурағаннар: че орочук! нә-тўш көрдўң, аны піске аїда-бер! Азы десе айтпап турған

Очень, очень давно (это) было. Въ древности былъ старикъ и старуха. У нихъ было три сына. Когда они (дѣти) выросли, (родители) каждому изъ сыновей выстроили по дому и однажды вечеромъ сказали: о дѣти! идите каждый въ свой домъ и спите! Утромъ, пришедши (къ дѣтямъ), родители спросили прежде всего старшаго сына: что ты видѣлъ во снѣ? Онъ отвѣтилъ: во снѣ я занимался земледѣліемъ и много хлѣба ссыпалъ въ амбары. Родители благословили его. Затѣмъ они пошли къ среднему сыну и тоже спросили. Онъ отвѣтилъ: я торговалъ и получилъ большой барышъ. Родители и его благословили. Пришли къ младшему сыну и задали вопросъ: ну послѣдникъ! какой ты видѣлъ сонъ, скажи его намъ! — Онъ же ничего не отвѣчалъ. . . .

- 2) *Писня.* Четті кырлығ чes мылтык
Тегбезеле тат чезін.
Шакпола чөргән кыс чағаш
Маға барбаза чорт чезін³⁾.

Семигранное и мѣдное ружье если не попадетъ въ цѣль, пусть его съѣстъ ржавчина! Если не пойдетъ за меня любимая дѣвушка, пусть достанется чорту!

- 3) Пері мін а-келӓр. Сюда уху принесите!
Саі кўрбён-дїр галька не видна.
Саі кўрён-чїр галька видна.
Чаңбыр чағ-чөр дождь идетъ.
Пар чадым я иду;

1) Здѣсь чпстый корень (а, ан) мѣстном. 3 л. ед. ч. (?).

2) ы = ә; см. раньше. . . .

3) Сообщилъ Алексѣй Гамзычаковъ. Дер. Абинская (абалар).

пар чазын ты идешь;
 пар-чър; (совсѣмъ рѣдко: пар-чадыр) онъ идетъ;
 пелчѣ знаетъ;
 піс парчабыс мы идемъ;
 сер парчазар вы идете;
 алар парчалар они идутъ.

Піс келдіс мы пришли.

Піс келеріс мы придемъ.

Піс барарыс мы пойдемъ.

4) (Изъ сказки) мен аҗаш тегејіне шык-парҗанда анаң маҗа
 појумнуң чуртун саң теге (?)¹⁾ көрүп-чѣр. Когда я добрался до вер-
 хушки дерева, оттуда мнѣ стала видна родная деревня.

В. Черневое нарѣчіе.

а) Пістің алда кіжілер аңапчалар андыҗ аңнар: сарас, тіјің, албаҗа,
 апшыјак, кіјік; куштардың: сымна, — сўк-паш, селеі, кўртўк; кбрўк,
 ас,-кара кузрук, шарлак, тōlgў; суҗ аңнаң: қаңдус²⁾, чылба, пел,
 шортон, корто, кбры, камнык, пактамаш, ölin³⁾.

Въ нашей деревнѣ люди охотятся на колонковъ, бѣлокъ, соболей,
 медвѣдей, дикихъ козъ; изъ птицъ на: — рябчиковъ, глухарей, тетере-
 вовъ; — на бурундуковъ, горностаевъ; на хорьковъ, на лисицъ;
 изъ водяныхъзвѣрей — на выдръ; ловятъ еще: кускутъ (рыба), тай-
 меней, щукъ, налимовъ, харіузовъ, ельцовъ, пактамашъ (широкого-
 ловая, небольшая рыба) и мольковъ.

б) Обычай⁴⁾.

Келің-гіжі кастазы-ба колдаң колҗа алышпан-чір; алыжарда
 полза, кастазы перчең керек пол-полза пер-бер небе ол черге сас-ала
 бер-чѣр келің-гіжіге ілі кіжідең ары алышчалар.

1) Сравни. подобное же выражение изъ сказки на нарѣчій черневыхъ
 татаръ: чері сузун көргендѣ, сапсантака көрўнген. Улыцак чері сузун
 көрўп ылаптыр.

2) По абисск. кѣмнōге = выдра.

3) Записано въ селеніи «Азас-пелтірі».

4) Записано 13 іюля 1908 г. въ «Таскың-әл'ѣ».

Сноха своему свекору изъ своихъ рукъ въ его руки ничего не передаетъ. А если чѣмъ либо и надо обмѣняться, то эту вещь снохѣ (свекоръ) кладетъ на землю (чтобы она могла взять съ земли), или же обмѣниваются (вещами) чрезъ (другихъ) людей.

в) Приготовленіе вина (араки).

Чылың суға талған салча, ун салча ам пер конѣанда, ертендѣ кѣн шыкканда арабазын тегергѣ керек.

Въ теплую воду кладутъ талканъ (толокно) и муку, затѣмъ оставляютъ переночевать. Рано утромъ можно (уже) курить вино¹⁾.

С. Шорское нарѣчіе.

1) Путешествіе на таймень²⁾.

Часкы тужунда аңап чѣргѣм палыка еңме-біле, егем аілан тыр, келгѣм еңмене пазылы кѣрзѣм чадығ оқыш небе чача³⁾. Ўдерер небе чок, таш чобыл, малты чобул, пашкы чок, пычак чок полѣан, парала менібіскем, еңмене чаржап парыбыскан, мен оідок тўш-калѣам аңын мен ахтых калѣам.

Въ весеннюю пору я отправился промыслять за рыбою неводомъ. Сѣть (въ водѣ отъ чего-то) двигалась. Когда я пришелъ и лишь только посмотрѣлъ, (вижу): что то лежитъ, похожее на колодину (бревно)⁴⁾; — чтобы убить ничего (съ собой у меня) не было: ни камня, ни топора, ни острога, ни ножа; подойдя, я сѣлъ верхомъ (на этотъ предметъ). Разорвавши (неводъ, таймень) отправился (далее), я упалъ навзничь и тѣмъ спасся.

2) *Загадка*. Кыдатың келгѣн кыімамны кырк чыл таінап то-спады⁵⁾ = Чўгәнең сулуғы. Пришедшій изъ Китая (т. е. лошадь) со-

1) Записано тамъ-же.

2) Записано въ селѣ Мадырѣ (Шорлар) со словъ слѣпца - сказочника Ивана Тартыгашева (языческое имя «Толбаі»; изъ кости «тајаш»).

3) Вмѣсто чат — ча.

4) Здѣсь разсказчикъ разумѣетъ рыбу тайменя (nel).

5) Сравни. сагайск. и качинск. загадки въ IX т. «Образцовъ. . . .» Радлова-Катанова. СПб. 1907 г. Текстъ, стр. 268 и 284, переводъ, стр. 240 и 255.

рокъ лѣтъ жеваль мое кушаңе—сычугъ¹⁾ и не насытился. = Удила у узды.

3) *Загадка*. Спѣкѣ еі-полбадым. = Ныбыртка. Что нельзя повѣсить на (деревянный) гвоздь?²⁾ = Яйцо.

4) *Загадка*. Еңер ағышка кар чукпас. = мўс. Къ кривому дереву снѣгъ не пристаеъ. = Рога (у животныхъ).

5) *Обычай*. Пістің чердѣ (Шорларда) ногіжінең пала тўбар полза, ол кўн кижі пердѣ ахча пербѣнчѣре, перер-болза аічалар: ыразы шыбар деп. Въ нашей землѣ у Шорцевъ есть обычай: если у кого либо родится первый ребенокъ, тотъ человекъ въ этотъ день денегъ никому не даетъ; если же дастъ, то говорятъ, что счастья не будетъ³⁾.

6) *Преданіе о «Ханскомъ хребтѣ»* (названіе горъ). Ол кан-зынға кан келгән сѳјән черіннен аның, көрер-болса, алтын кылыш чалтрып-чѣ. Олар ола мал соканар. Аның соккеліп кан пыжырсалғаннар. Ол чарын пыжырсалып көрчѣр. Ол чары аічары, ол пышканча сен өі -барарзын. Кан айткан: мен кайдет өлгеўм?. Ол томрах ал(ы)б-алып⁴⁾ зептын шығарыб-алып ол каны шашкан. Аның капы чачран тынынға. Аның-зоңда кан томрах пыла тынын кезе тартыб-ыскан; кезе тартыбыскан өі-барған. Ўш сѳк кан-зынд'ох чачар ă кожа Іге чаізаң кошта кѳм-салған. Аң-зонда канці чон келгән чон санынаң кірпіш едіп турғускан. Аның сонда кан-зынаң кыштах іжіх іштінгѣ алтын езерлер кўмўш езерлер мылтыхтарды кылыштарды парчан небелерін анда чығаннар. Аның ары аны кан-зын деп аданар⁵⁾.

1) Т. е. кишки, начиненныя потрохами разныхъ животныхъ съ лукомъ и крупою (см. «Словарь . . . » протоіерея Вербицкаго).

2) Спѣкѣ = деревянный гвоздь (колышекъ); «спѣчка» въ нашемъ смыслѣ = серѣнка. Сравни. сагайск. загадку въ IX т. «Образцовъ . . . »; текстъ, стр. 313, переводъ, стр. 286.

3) Записано со словъ Т. С. Штыгашева.

4) Слова: алыб-алып (взявши) произносятся такъ: алы-бáлып; «шығарыб-алып» какъ «шығары-бáлып» . . .

5) Преданіе записано въ селѣ «Шорлар» со словъ «Толбая».

«Ханскій хребетъ» — «Кан-зын».

Къ этому ¹⁾ «Ханскому хребту» пришелъ изъ сойотской земли ханъ. Если кто посмотритъ (на хребетъ), то увидитъ какъ бы сіяніе отъ золотого меча ²⁾. Тамъ они (ханъ съ войскомъ) кололи скотъ. Заколовши, жарили кровь. Гадали по лопаткѣ ³⁾. Линіи лопатки говорятъ (хану): пока варится пища, ты умрешь. Ханъ сказалъ: какъ я умру? Кровь попала въ дыхательное горло хана. (?) И послѣ этого заставила отлетѣть душу хана и онъ умеръ. Кости трехъ людей лежатъ на Ханскомъ хребтѣ: около могилы хана погребли и двухъ его зайсанговъ. Послѣ этого какіе народы не приходили (сюда), всѣ по числу своихъ племенъ клали камни. Въ развалинахъ ихъ зимовокъ находили золотыя и серебряныя сѣдла, ружья, мечи и другія вещи. Поэтому то эта гора и называется «кан-зын» — «Ханскимъ хребтомъ».

Заканчивая этотъ краткій отчетъ по командировкѣ, считаю пріятнымъ долгомъ выразить за командированіе меня въ Томскую губернію «Русскому Комитету», а въ особенности академику Вас. Вас. Радлову, проф. В. А. Жуковскому и Д. А. Клеменцу — свою глубокую благодарность.

С.-Петербургъ. 30 сентября 1908 года.

1) Горный хребетъ находится къ югу отъ села «Шорлар» или Мадыра.

2) Это сіяніе происходитъ отъ находящагося и лѣтомъ въ ложбинахъ горы снѣга.

3) О гаданіи на (бараньей) лопаткѣ см. напр. Н. О. Катановъ, Отчетъ о поѣздкѣ . . . въ Минусинскій округъ Енисейской губерніи. Казань. 1897 г., стр. 37—39. (Оттискъ изъ «Учен. Записокъ» Казанскаго Университета за 1897 г.).

Отчетъ Б. Владимірцова, о командировкѣ къ дэрбэтамъ Кобдинскаго округа лѣтомъ 1908 г.

I.

Выѣхавъ изъ Петербурга 11 мая, я 2 іюня прибылъ въ Кошъ-Агачъ («кѡшѡ-модѡн», какъ его называютъ монголы); 5 іюня я перешелъ границу и, пройдя по р. Тошонту, дошелъ къ вечеру до ручья «Харъ маңнѣ» (Кара Мандай). 6 іюня я обогнулъ «Цаѣан-нуръ» и ночевалъ на «Цаѣан-нурин-гол». 7 іюня вышелъ изъ горъ на равнину р. «Бѡкѡн-морѣн» (Бекснь-берень, Боку моринъ) и ночевалъ на урочищѣ «Алтн-хадс», 8 іюня миновалъ р. «Кѣб» и остановился на ночь на перевалѣ «Кецѣ-даѡа». 9 іюня переваливъ черезъ «Кецѣ», я пошелъ вдоль р. «Ціѡіртѣ» и 10 іюня прибылъ въ монастырь — «кѣрѣ» хана дэрбэтовъ («дѡрбѡт»), расположенный на Ю.-В. отъ р. «Кѡндѡлѡн». На Ю. отъ кури лежитъ священная гора «Гембѣл», на С. — «Деңкѣр-ѡа». Самъ монастырь состоитъ изъ монашескихъ (ламскихъ) дворовъ, со всѣхъ сторонъ обнесенныхъ оградами и тѣсно соприкасающихся другъ съ другомъ; посреди кури — большая неправильной формы площадь, на которой расположены храмы («сѣмѣ»), построенные изъ дерева, съ крышами, обшитыми русскимъ желѣзомъ. Ханскій монастырь теперь не кочуетъ, какъ это было недавно; лѣтомъ ламы живутъ въ большихъ случаяхъ въ деревянныхъ китайскихъ домикахъ, или глиняныхъ мазанкахъ, зимою же въ войлочныхъ юртахъ, отапливаемыхъ русскими желѣзными печами.

Въ ханской курѣ я прожилъ слишкомъ мѣсяцъ, пользуясь самымъ широкимъ гостепріимствомъ. Между прочимъ, благодаря любезности главы монастыря — Хамбо-ламы, я имѣлъ возможность познакомиться съ нѣкоторыми книгами его библіотеки. Такъ, мною были прочитаны: 1) «хутукту цаган дара ске-іјін тѣці», — извѣстная исторія «багамаі хатун» и «ајѣ бодһі-сад»; 2) «сајтур номлохи ерденіјін саң кемѣкѣ шаштір», — религіозно-дидактическое сочиненіе; 3) «хутукту нагацуніјін зокѡксон ердені тѡрѡіјін шаштір», — правоучительное произведеніе На-

гарчжуны; 4) «бірмāн-і тūді», — сутра, описывающая діалогъ брамана съ Буддой; 5) «бегеремцід хāні олон тōрōліјін тūді үні гучін хојор модун кўмўн үлігēr ўзўлєксєн судўр», — повѣсть о чудесномъ «бегеремцід» ханѣ, состоящая изъ трехъ частей: — 1) сказаніе о «бегеремцід» ханѣ, 2) сказаніе о «рāді-бурāді» («арці бурці»), 3) сказаніе о «гісана» ханѣ. Сочиненіе это оказалось переводомъ и при томъ новымъ съ монгольскаго.

За время моего пребыванія въ курѣ я познакомился съ хапомъ дэрбатовъ, который лѣтомъ стоитъ невдалекѣ отъ своего монастыря, на другомъ берегу р. «Кōндōбѣя» и съ его сыновьями («тā'іці») — «Напг»'омъ и «Цевѣн»'омъ, а также и съ ханскимъ сыномъ-ламой, который почитается гегеномъ, перерожденцемъ бурхана «Дорці Сембѣ».

14 іюня я оставилъ ханскую курю и направился въ горы къ р. «Харкра», гдѣ неподалеку стоитъ лѣтомъ монастырь другого князя дэрбатовъ — вана («оң»).

Пройдя горной мѣстностью, поросшей лѣсомъ, я 16 іюля пришелъ въ монастырь вана. «Оңгā кūrā», т. е. куря вана, стоитъ на большой, широкой терасѣ; на В. отъ нея озеро «Кōкō нўр», на С — гора «Хāн кōкō» и ближе къ озеру «Кōкō» гора «Улātтā» на Ю. гора «Хуцїртў» и на З. гора «Бāјїн захй»; на С.-З. сторонѣ бѣжитъ ручей «Мōстў», почему и вся мѣстность часто называется «Мōстў». Куря стоитъ большимъ неправильнымъ кругомъ, образуемымъ юртами ламъ; внутри круга, но не посреди его, стоитъ «дубўн», походный храмъ-палатка. Рядомъ съ монастыремъ расположено ванское присутственное мѣсто («цїсāн тамбā»). Ванъ стоитъ невдалекѣ отъ кури, въ горахъ на югъ; невдалекѣ же стоитъ и другой дербѣтскій князь «Ајўр-заң-засқ». Какъ князья, такъ и монастырь, остаются на лѣтовкѣ не долго, такъ какъ мѣстность высокая и холода начинаются рано. Въ послѣднихъ числахъ іюля ламы начинаютъ, по большей части небольшими группами, укладываться въ «Улāн-гомъ» (Уланкомъ), на мѣсто зимней стоянки, гдѣ, какъ и вообще повсюду на равнинѣ озера «Усва-нўр» (Убса), лѣтомъ оставаться со скотомъ почти невозможно изъ-за массы комаровъ и мошекъ.

30 іюля я тоже, вмѣстѣ съ нѣкоторыми ламами, укладывалъ внизъ. Мы обогнули оз. «Кōкō», перевалили черезъ очень высокій переваль «Кōкō-нўрін кōтї» и спустились къ р. «Харкра». Затѣмъ, пройдя вдоль

этой рѣки по ущелью, мы вышли изъ горъ на равнину и заночевали. На слѣдующій день, 31 іюля, мы прошли по каменистой равнинѣ нѣсколько часовъ и дошли до «Улѣн-гомъ»а, гдѣ стоитъ монастырь вана, возлѣ котораго живетъ и самъ ванъ со своимъ штатомъ. Курия представляетъ изъ себя большой четырехугольникъ, со всѣхъ сторонъ обнесенный стѣной изъ сырцовыхъ кирпичей, дворы духовенства по большей части построены изъ глины, храмы изъ кирпича. Дворы въ курѣ расположены правильно, образуя прямыя улицы, посреди большая площадь съ главнымъ храмомъ. На С. отъ курии, недалеко, расположено нѣсколько храмовъ и княжескій дворъ съ большой рощей. На Ю.-В. отъ монастыря лежитъ красный холмъ — «Ціңдамъ», по имени котораго нерѣдко называютъ всю мѣстность. Далѣе на В. тянется невысокая цѣпь горъ «Адаръ». Въ «Улѣн-гомъ»ѣ много китайцевъ, которые тамъ живутъ въ своихъ дворахъ, большая группа ихъ фанзъ расположилась рядомъ съ курей, на С.-З. сторонѣ ея. Русскіе торговцы стоятъ отдѣльно, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ монастыря. — За время моего пребыванія въ «Улѣн-гомъ»ѣ мнѣ пришлось познакомиться съ ваномъ; пришлось также видѣть ламскія празднества («нѣр») и борьбу, сопровождавшуюся особыми церемоніями. «Улѣн-гомъ» я оставилъ 15 августа и прошелъ на С. отъ монастыря верстъ на 7, гдѣ тогда стояла «Ногонъ даркѣ». Видѣть хубилгана мнѣ не пришлось, «Ногонъ даркѣ» уѣхала куда-то къ сосѣдямъ. Жилище ея — войлочная кибитка, совершенно ничѣмъ не отличающаяся отъ юртъ обыкновенныхъ дэрбатовъ. Хубилгановъ «даркѣ» можетъ быть нѣсколько. Можетъ быть бѣлая, зеленая, красная, желтая и т. д. «даркѣ»; онѣ могутъ быть женщинами и дѣвушками, одной и той же даркѣ можетъ быть 21 хубилганъ. «Даркѣ» утверждаютъ Далай-ламой, который и опредѣляетъ, какая это «даркѣ» зеленая, бѣлая etc. Въ настоящее время въ ванскомъ хошунѣ находятся 4 даркѣ съ такими утвержденіями отъ Далай-ламы, — 2 бѣлыхъ, 1 зеленая и 1 желтая. Кромѣ того есть еще нѣсколько «даркѣ», не имѣющихъ свидѣтельствъ изъ Тибета, но всетаки почитаемыхъ населеніемъ. Въ ханскомъ хошунѣ тоже есть своя «даркѣ» — зеленая, свидѣтельства отъ Далай-ламы у нея нѣтъ.

15-го же августа я отъ стоянки «даркѣ» сдѣлалъ небольшой переходъ на С.-З. къ стоянкѣ «Ајүр заң заскы»а. Князь этотъ живетъ очень

небогато, какъ простой дэрбэтъ, онъ считаетъ себя принадлежащимъ къ кости «хошұт». На слѣдующій день я, сдѣлавъ небольшой переходъ на С.-З., дошелъ до стоянки хана дэрбэтовъ, который прикочевалъ туда на осень. На этомъ мѣстѣ ханъ обыкновенно стоитъ до зимы, а затѣмъ перекочевываетъ на р. «Бөкөн-мөрән», гдѣ и проводитъ зиму въ урочищѣ «Бә'шінтә». 21 августа я направился къ перевалу «Улән дауа», 22 августа перевалилъ черезъ него, обогнулъ озеро «Ўрүк-нүр» (Урю) и ночевалъ на перевалѣ «Бә'рім дауа» (Бармень). 23 перешелъ черезъ «Бә'рім», спустился къ р. «Күб» и по старой дорогѣ дошелъ до «Алтү хадс». 24 августа перешелъ на р. «Бөкөн мөрән» по пути, лежащему нѣсколько Ю.-В. того, по которому шелъ въ первый разъ. На р. «Бөкөн» я останавливался на урочищѣ «Бә'шінтә», подлѣ красной скалы съ цапой. Невдалекѣ оттуда стоятъ русскіе торговцы Мальцевъ и Палкинъ, а также китайцы Аршановской кампаніи («Аршін»). Далѣе я шелъ уже по старой дорогѣ и прибылъ въ Кошъ-Агачъ 29 августа.

II.

Дэрбэты вмѣстѣ съ байтами образуютъ два аймака-сейма подъ однимъ общимъ названіемъ «сајн зајагату», именуемые въ общегитіи — «шестнадцатью сѣверными хошунами» — («арән арwң зургән хошүн»). Лѣвый аймакъ состоитъ изъ хошуновъ — удѣловъ князей: — хана дэрбэтовъ и ханскаго засака, къ этому же аймаку относятся десять байтскихъ хошуновъ. Главой этого аймака является ханъ. «ілетхел шастір» — официальная родословная монгольскихъ князей, указываетъ, что званіе начальника аймака — «зегүн гар ун чігулган у даруга» было пожаловано дэрбэтскому хану въ 18-й годъ правленія Цянь-луна. Въ настоящее время дэрбэтскій ханъ носитъ слѣдующій титулъ: «туслукчі төгөс көлүк цайцін да далә хан»; старшій его сынъ называется народомъ «терігүн тә'ці», другіе сыновья «тә'ці». Собственно родъ дэрбэтскихъ хановъ прекратился; настоящій ханъ-сынъ дэрбэтскаго «беилә, усыновленный послѣднимъ Далай ханомъ; второй сынъ настоящаго хана унаслѣдовалъ удѣлъ дѣда «беилә». Хошунъ Далай хана раздѣляется на 4 отдѣла-рода — «аңгі», дѣленіе это, по-видимому, древнее. Кромѣ того хошунъ дѣлится еще на 11 админист-

стративныхъ единицъ, — «сумѹн'ов. Сумуны эти такимъ образомъ распредѣляются по родамъ — «аңгї».

I. «залхѹс аңгї», сумуны: 1) «гölgŭт».

2) «шемвр»,

3) «шāзгн» («шāзгн»),

II. «кöшiктен аңгї», »

1) «ордс»,

2) «дурāl»,

3) «борöкчут»,

4) «цiс» («зiс и дiс»), иначе называемый «Аjŭшi бурхŭяñ сумŭн».

III. «таргāt аңгї», »

1) «таргāt»,

IV. «кöтчiнөр аңгї», »

1) «кāнр»,

2) «цöхöр»,

3) «бŭlчiн».

Теперешній сумунъ «кāнр» образовался изъ двухъ прежнихъ «хаск» и «кāнр», а сумунъ «шāзгн» изъ сумуновъ «чiдл» и «шāзгн». «Ахā сумŭн», т. е. главный сумунъ, называемый такъ потому, что первыми разбираются въ ханскомъ присутственномъ мѣстѣ дѣла этого сумуна, — «гölgŭт сумŭн». Сумунъ «цiс» носитъ названіе сумуна бурхана «Аjŭшi», потому что повинности этого сумуна выражаются въ доставленіи припасовъ въ монастырь и откомандированіи туда же людей для разной службы. Сумунъ «бŭlчiн» несетъ повинности, доставляя хану людей для личныхъ услугъ; сумунъ этотъ считается самымъ бѣднымъ. Точно установить количество кибитокъ въ сумунѣ — очень трудно. Говорятъ, что число это колеблется между 80—100. «iletxel шастiр» говоритъ, что у перваго далай-хана «перец»'а было 3170 кибитокъ, 10000 человекъ. Хошунъ — удѣлъ ханскаго засака состоитъ изъ 1 сумуна. Въ настоящее время засака нѣтъ, родъ его прекратился. Хошуномъ временно управляетъ чиновникъ — «закрчi», «Баjи»; въ Пекинѣ ведутся переговоры объ назначеніи засакомъ сына этого «закрчi».

Правый аймакъ дэрбэтовъ состоитъ изъ хошуновъ князей — вана, бейле, бейсе и ванскаго засака. Главой этого аймака является ванъ, — «дед чiгулган у даруга». Ванъ («онъ», какъ говорятъ дэрбэты) носитъ титулъ «пан'цiн хошŭчi да чiң ваң». Ванскій хошунъ дѣлится на 4 «аңгї» и 12 сумуновъ: —

I. öргѳ̃ äңгї, сумуны:	1) jарѳ̃ä (ах̃ä сум̃үн)
	2) баѳ̃ä тукт̃үн,
	3) хот̃өн.
II. бар̃үн äңгї, »	1) тарг̃ät,
	2) цїс,
	3) ікі тукт̃үн.
III. з̃үн äңгї, »	1) шархашїх̃ä,
	2) зутр̃қ,
	3) х̃äд̃ä.
IV. кѳ̃тчі äңгї, »	1) чѳ̃чіг̃ä,
	2) хондг̃ä,
	3) замб̃ү.

Хотонцы теперь говорятъ уже по-дэрбэтски, но ламаизма не приняли; говорятъ, что число кибитокъ ихъ доходитъ до 200. Хошунъ «beilë» состоитъ изъ 5 сумуновъ, хошунъ «beicë» изъ 3 и хошунъ «Ajūr-zaң-zasқ»'а изъ одного сумуна. Въ дэрбэтскихъ хошунахъ находятся 4 ламайскихъ монастыря:—одинъ въ хошунѣ Далай-хана, курия не кочуетъ, насчитывается до 1000 монаховъ; въ хошунѣ вана 2 курии; первый, «Улāн-гом»'скій, монастырь имѣетъ школу цанита, «чѳ̃р̃ä хур̃ул»; всего монаховъ тамъ, т. е. въ монастырѣ и въ школѣ, до 1300. Другой монастырь вана лѣто проводитъ на р. «Намр̃», а зиму на р. «Хобд̃о»; говорятъ, въ этой курѣ 300 ламъ. Четвертый монастырь находится въ хошунѣ дэрбэтскаго бейле, курия не кочуетъ, насчитываетъ, говорятъ, 300 ламъ.

Родовой строй въ настоящее время дэрбэтами позабытъ совершенно. «Äңгї» (роды) существуютъ только номинально, не оказывая никакого вліянія на народную жизнь; «сум̃үн» же—чисто административное дѣленіе. Совершенно также позабыты и кости, изъ которыхъ составились дэрбэты.

• Кочуютъ дэрбэты или въ одиночку, или же небольшими группами въ 2—3—4 кибитки. Въ этомъ отношеніи кобинскіе дэрбэты сильно отличаются отъ астраханскихъ дэрбэтовъ, которые еще не позабыли совершенно родового быта и кочуютъ въ огромномъ большинствѣ случаевъ большими обществами, хотонами. Перекочевки дэрбэтами совершаются довольно часто и, иногда, на большія разстоянія. Главная

масса народонаселенія лѣваго аймака зимуетъ на равнинѣ р. «Бѣкѣн-мѣренъ», на р. «Хобдѣ» и на р. «Харѣнъ». На лѣто уководываютъ въ горы у «Цаѣн-нѣр»а, а также въ горы къ рѣчкамъ «Бурѣустѣ», «Тѣргѣ», «Кѣндѣлѣнъ». Значительная часть дѣрбѣтовъ лѣваго аймака осенью и весной заходитъ на равнину озера «Усва», въ особенности на р. «Сагѣ», гдѣ находятся пашни. Небольшія пашни находятся также и на р. «Бѣкѣн-мѣренъ». Дѣрбѣты праваго аймака кочуютъ зимою къ З. и Ю.-З. отъ озера «Кѣргѣс-нѣр», а лѣтомъ въ горахъ по р. «Харкра», «Тѣргѣ»; имѣющіе пашни на осень и весну заходятъ на равнину оз. «Усва». Другая часть дѣрбѣтовъ этого аймака лѣто проводитъ на р. «Намрѣ», а зиму на р. «Хобдѣ». «Аѣѣр заѣ засѣ» кочуетъ не со своимъ аймакомъ зимою, а на р. «Бѣкѣн мѣренъ», вмѣстѣ съ аймакомъ лѣвымъ.

Что касается жилищъ, одежды, утвари кобдинскихъ дѣрбѣтовъ, то все это мало чѣмъ отличается отъ халхаскихъ. Надо только отмѣтить, что шердыки и широкія ленты, опоясывающія курты, дѣрбѣтами дѣлаются плохо и часто вовсе отсутствуютъ. Изъ частей одежды оригинальными представляются сапоги и шапки. Сапоги дѣрбѣтами шьются изъ краснаго русскаго саѣяна, съ очень толстой кожаной подошвой, при чемъ носокъ сильно загибается вверхъ; внутри такой сапогъ подбивается войлокомъ и надѣвается на войлочные же чулки. Кромѣ этихъ сапогъ очень распространены и халхаскіе, китайскіе; однѣ только женщины всегда носятъ сапоги дѣрбѣтскіе. Шапки у дѣрбѣтовъ мѣховыя съ верхомъ изъ матеріи; назади мѣховая обшивка кончается двумя длинными остроконечными концами, между которыми укрѣпляются двѣ ленты. Концы эти называются «чѣбѣкѣ», а шапка такая—«тѣрѣ махлѣ». Иногда на мѣховую тулю такой «тѣрѣ махлѣ» дѣлаютъ нашивку («бѣлѣѣ»), обыкновенно изъ какого-нибудь другого мѣха. Подобныя шапки носятъ всѣми, нѣйонами, чиновниками, ламами, женщинами; тѣмъ не менѣе очень распространенъ и «торѣкѣ».

Благодаря тому, что у дѣрбѣтовъ есть свои пашни, у нихъ имѣется въ достаточномъ количествѣ мука, которую они мелютъ или сами, при помощи ручныхъ мельницъ, или же отдаютъ на китайскія мельницы, которыя вымалываютъ уже крупчатку. Самодѣльная грубая мука является обязательной принадлежностью стола дѣрбѣтовъ; ѣдятъ ее обыкновенно съ чаемъ, при чемъ прибавляется немного масла. Способы приготовленія масла, сырчиковъ, арьяна, кумыса у кобдинскихъ

дэрбэтовъ ничѣмъ не отличаются отъ способовъ дэрбэтовъ астраханскихъ. Приборы же для куренія водки нѣсколько отличаются, а именно: у кобдинскихъ дэрбэтовъ на большой котель, куда вливають кумысь или арьянъ, надѣвають большой деревянный, обрѣзанный сверху конусъ. Конусъ этотъ дѣлается изъ тополеваго дерева и называется «бўркāl»; сбоку въ немъ устраивается отверстіе, въ которое вставляютъ узкую деревянную трубку («цоргѵ»). На «бўркāl» ставится маленькій котель «цїлібчї», который наполняется холодной водой. Пары, поднявшись изъ большого котла, охлаждаются у «цїлібчї», переходятъ въ «цоргѵ» и по немъ стекаютъ въ подставляемый сосудъ. Такимъ образомъ устраняется необходимость замазывать котлы глиной и коровьимъ пометомъ, какъ это дѣлается у астраханцевъ.

III.

Что касается языка кобдинскихъ дэрбэтовъ, то какъ въ фонетическомъ, такъ и въ морфологическомъ отношеніяхъ онъ представляетъ большія отличія отъ языка дэрбэтовъ астраханскихъ.

У кобдинскихъ дэрбэтовъ имѣются слѣдующіе гласные: а, о, у, ѓ, ѓ, ѓ, ѓ, ѓ, ѓ. Звуки а, о, у, ѓ, ѓ, ѓ, ѓ, ѓ, ѓ языка К. дрб., повидимому, вполне соответствуютъ звукамъ а, о, у, ѓ, ѓ, ѓ, ѓ, ѓ, ѓ языка Астр. дрб. Звукъ ѓ представляетъ нѣкоторое отличіе, звукъ этотъ у К. дрб. болѣе задній и образуется при меньшемъ скругленіи губъ, чѣмъ у Астр. дрб. Звуки ѓ и ѓ въ языкѣ Астр. дрб. не существуютъ вовсе. На мѣстѣ ѓ и ѓ языка Астр. дрб. мы находимъ ѓ и ѓ, ѓ и ѓ въ языкѣ Кобд. дрб. въ сходныхъ словахъ. Напр.:

Кобд. дрб.	Астр. дрб.
кѓкшїн — старый	кѓкшїн — —
кѓкѓ — синїй	кѓкѓ — —
ѓкѓр — корова	ѓкѓр — —
нѓкн — дыра	нѓкн — —
ѓндр — высокій	ѓндр — —
кѓкѓт — дитя	кѓкн — дѣвушка.

Надо замѣтить, что гласные ѓ, ѓ, ѓ, ѓ у К. дрб. произносятся очень непостоянно. Въ одномъ и томъ же словѣ, однимъ и тѣмъ же

лицомъ то произносится ъ, то ѓ или то ѣ, то ѱ. Постоянно, напр., приходилось слышать «кѣн», «кѣн», «кѣркѣ», «кѣркѣ», а также «кѣркѣ» и «кѣркѣ».

Лабіализація гласныхъ у К. дрб. имѣетъ бѣльшее распространеніе, чѣмъ у А. дрб. Напр.:

К. дрб.	А. дрб.
ноѣн	ноѣн
зѣркѣдѣ	зѣркѣдѣ
ѣорѣ	ѣорѣ
кѣндѣ	кѣндѣ
мѣрѣ	мѣрѣ
бурхѣ	бурхѣ.

Иногда, впрочемъ, эта лабіализація гласныхъ непостоянна; такъ, напр., говорятъ «угѣ» и «угѣ», «долѣн» и «долѣн».

Характерно появленіе долгаго гласнаго въ эмфатической рѣчи. Напр., «ноѣн» — князь! «сѣ¹ и ѣкѣр» — хорошая корова! «ѣоуѣѣсѣн» — хаживаль; «ѣрѣн» (вмѣсто ѣрѣн) кесѣн etc.

Что касается согласныхъ, то надо отмѣтить появленіе звука з, на мѣсто з, хотя и послѣдній не пересталъ существовать. У А. дрб. встрѣчается только з. Надо еще замѣтить, что ж слышится только въ ханскомъ хошунѣ. Напр., «зам», «земзелнѣ» «азарѣ», «зѣн», «зѣгѣр», но встрѣчаются и «зам», «земзелнѣ», «азарѣ», «зѣн».

Слѣдуетъ отмѣтить появленіе т на мѣстѣ с; въ языкѣ А. дрб. въ такихъ случаяхъ всегда слышится с. Напр., «хатабѣи», «уѣлѣн».

Нерѣдко наблюдается отпаденіе послѣдняго слога, чего у А. дрб. не встрѣчается. Напр.:

К. дрб.	Астр. дрб.
ѣс	ѣсн
ус	усн
ѣс	ѣсн
елс	елсн

Говорятъ К. дэрбэты медленно, сильно акцентируя первый слогъ, часто производя эмфатическія долготы.

Въ морфологическомъ отношеніи тоже можно указать на нѣкоторыя особенности сравнительно съ языкомъ А. дрб. Отличія эти (главныя) слѣдующія:

- а) во всеобщемъ употребленіи форма причастія прошедшаго времени несовершеннаго вида. Напр.

босѡгѡ білѧ — былъ еще не встававшимъ,
еще не вставалъ.

- б) почти исключительное употребленіе формы условнаго дѣепричастія на ѡл, ѡѧл, ѡѡл, ѡлѡ, ѡѡл, ѡѡл; формы хулѧ, кѡлѧ, такъ часто употребляемыя у А. дрб., у К. дрб. встрѣчаются очень рѣдко. Напр.:

ірѡѡл, болѡѡл, гарѡѡл, јабѡѡл.

Затѣмъ обращаетъ вниманіе употребленіе слѣдующихъ формъ:

- а) очень частое употребленіе формы бі — есть (= бѧ¹нѧ). Напр.:

хојір мѡрін бі; бі болхѡ,

- б) формы бѧ¹ѡѧ (часто какъ perfectum praesens). Напр.:

сѧ¹н дурѡѡ бѧ¹ѡѧ; хојір ѡкур бѧ¹ѡ-лѡ.

- в) формы на ѡі съ отрицаніемъ угѧ, угѡ (слѣдовательно, какъ форма именная). Напр.:

болѡѡгѡ, ірѡѡгѡ,

- г) формы манѧ, танѧ, вмѣсто бі, та. Напр.:

манѧ газр меднѧ, — я знаю страну,
танѧ хѧ ѡѧ¹нѧ, — (ты, вы) гдѣ находитесь (шься).

- д) формы намѧ, чамѧ (accst.) параллельно намѧгі, чамѧгі (у А. дрб. «нѧмѧгі, чѧмѧгі»).

Genetivus словъ, оканчивающихся на краткій гласный, образуется при помощи присоединенія окончанія ѧн, ѡн, ѡн, ѡн, ѡн:

Н. ламѧ — Г. ламѧн; Н. емѧ — Г. емѡн,
Н. тѡрѡ — Г. тѡрѡн; Н. ѡлѡ — Г. ѡлѡн.

Въ противоположность А. дрб. не такъ часто употребляются «притяжанія». Напр.:

К. дрб. — чинѧ нерѧ кен білѡ }
А. дрб. — чинѧ нерѡн кенбі } какъ твое имя.

Въ отдѣлѣ нарѣчій надо упомянуть о слѣдующихъ особенностяхъ:
а) хā значитъ гдѣ и куда. Напр.

та хā кўрнāтā, — вы куда ѣдете?

терѣ хā сўнā, — онъ гдѣ живетъ?

б) форма хамā—гдѣ, употребляемая А. дрб., у К. дрб. встрѣчается
очень рѣдко, чаще употребляется форма «ада».

(откуда—хаѳāсā, алдāсā, алāсā).

Существуютъ отличія и въ лексическомъ отношеніи. Напр.

К. дрб.	А. дрб.
онісхō — загадка	ŷlīgŷr — загадка
домбō — кувшинъ	донцік — кувшинъ
ālqin — паукъ	арālqin — паукъ
абаѳā — женщина	бабѳа — женщина

(въ послѣднихъ двухъ случаяхъ, впрочемъ, лексическаго отличія, можетъ быть, и нѣтъ. Различіе появилось подъ вліяніемъ фонетическихъ измѣненій).

Главнымъ же образомъ въ лексическомъ отношеніи говоры К. дрб. и А. дрб. отличаются заимствованія. К. заимствовали отъ китайцевъ и халхасцевъ, А. дрб. же отъ русскихъ и турокъ. Впрочемъ встрѣчаются русскія и турецкія заимствованія и у К. дрб., но ихъ не много. Напр.

К. дрб.	А. дрб.
туңхō (кит.) — чайникъ	чānig (рус.) —
пеңші (кит.?) — пелемени	ōdmōk (турц.) — хлѣбъ
маймā кўн (кит.) — купецъ	кубца (рус.) — купецъ
цавр' (халх. форма) — флаконъ у ламъ	чаврўн —

Много халхаскихъ заимствованныхъ словъ употребляется наравнѣ со своими. Напр.:

Зам и хālѳā, маргāш и маңгāдўр (и маңгр).

Можно также встрѣтить разницу въ значеніи словъ сравнительно съ А. дрб. Напр.

У А. дрб. «ōrālī» значитъ половина вообще, такъ: «гујірін ōrālī, тоснāнī ōrālī хојіраңгī ідѣці»,—сѣлъ половину муки и масла, и того и

другого; тогда какъ у К. дрб. «брѣлї» значить половина предмета раздѣленнаго въ длину («утѣр»).

Рѣчь К. дрб. характеризуется еще частымъ употребленіемъ особыхъ словъ, выраженій, восклицаній и т. п. Напр.

бішү, нам, цѣ, зѣ, кѣкѣ теңгрі, кѣркѣ чамѣсѣ.

При обращеніи къ старшимъ и уважаемымъ лицамъ, напр., нойону, ламѣ etc, употребляется особый «полированный языкъ». Нельзя, напримѣръ, про уважаемаго человѣка сказать, что онъ: —

меднѣ, јоунѣ, унтнѣ, халѣнѣ,

въ такихъ случаяхъ вѣжливость требуетъ употреблять выраженія: —

ѣлднѣ, мѣрлнѣ, нѣрснѣ, гѣхнѣ.

Конь, сѣдло, жилище, тѣло и т. д. уважаемаго лица, все называется особыми почтительными именами. Напр.:

цокѣ — тѣло, кѣлгѣ — верховой конь,
сѣмѣ — жилище, домъ, ѳргѣ — кибитка,
хатн — супруга, etc.

Привѣтствія А. дрб. такія же, какъ и у халхасцевъ, и на нихъ отвѣчаютъ, повторяя привѣтствія, и только ламы на вопросъ «амѣрѣнѣ», говорятъ просто «бѣнѣ», какъ это бываетъ всегда у А. дрб.

К. дрб. пользуются какъ монгольской, такъ и ойратской (калмыцкой) письменностью. Первое письмо они называютъ — «худм моңғол», второе «тодѣ». Монгольская и ойратская грамоты распространены преимущественно среди простыхъ, не духовныхъ. Ламы же монгольской грамоты обыкновенно не знаютъ. Среди чиновниковъ и профессиональных писцовъ распространено знаніе манджурскаго языка; китайскаго же не знаетъ никто.

Что же касается народной литературы, то прежде всего надо упомянуть о пѣсняхъ, которыхъ очень много. Пѣсни дэрбэтами раздѣляются на три группы: 1) «шаштр дѣн», — пѣсни религіознаго содержания, пѣсни, прославляющія гегеновъ, святыхъ ламъ и т. п.; 2) «ѣдм дѣн», — старинныя пѣсни про богатырей, про ихъ поѣздки, пѣсни про былую родину; 3) «шалік дѣн», — пѣсни, такъ сказать, простыя, вульгарныя, пѣсни, воспѣвающія коней, лихихъ молодцевъ, прекрасныхъ дѣвушекъ и т. п.

Сказки и былины распространены гораздо меньше, знают их преимущественно профессиональные сказители — «түлчі», хұчітә. Былины, между которыми надо отметить «Цаңгр», хорошо известный въ астраханских степяхъ, обыкновенно рассказываются речитативомъ, иногда подъ аккомпаниментъ балалайки — «тобшұр» или, рѣже, скрипки — «хұр». Очень популярны среди дәрбәтовъ пересказы о «Кұңкер-хән»'ѣ, о «Цаңән хән»'ѣ и особенно объ Амурсанѣ, про котораго рассказывается, что онъ живетъ въ Россіи, имѣетъ сына «Тәмұр-сана» и внука «Тоб-сана». «Амұр-сана» скорѣ долженъ вернуться къ дәрбәтамъ и возстановить царство дәрбәнъ-ойратовъ.

За время моего пребыванія среди дәрбәтовъ мнѣ удалось пріобрѣсти слѣдующія книги:

А) Имѣвшіяся въ библіотекѣ С.-Петербургскаго Университета: —

- 1) хутукту білігіјін чінаду кұрұксен тасулакчі очір кемекұ жеке көлгөні судур.
- 2) хутукту цаклаші ўгеі насун билге білікту кемекұ судур.
- 3) дорці зөдбојін ачі туса.
- 4) царуң ка шұр субургані тўці.
- 5) 1 томъ манджуро-монголо-китайско-тибетскаго словаря.
- 6) јертўдўјін толі.
- 7) енде соносбд тонілукчі зұрадујін судур.
- 8) ушасдарі хәні тўці.
- 9) зөдбојін ачі туса.

В) Не имѣвшіяся въ библіотекѣ Университета: —

- 10) гурба насуту кўкен ні тўці.
- 11) ерлік номіјін луңдун.
- 12) алтаі хаңгаі гі залібіран такіху судур.
- 13) пәсун шобўні тўці.
- 14) аріун саң.
- 15) хутукту хара ама келе амурліуксун ўјіледўкчі токтөл.
- 16) міла бурхан ні зарлік.
- 17) хутукту білік барамідіјін судур.
- 18) хұмұн мал адагусун у гаі горлуга јі хагаху судур.
- 19) бурхан терігўтені перејін ўјіліјін докө.
- 20) нідў бөр ўзекчіјін токтөл.

21) җамандга махагала ерлік хаган ўхін тәрі дүрбен докшин судур.

22) ном ун хаган.

23) Евангеліе отъ Св. Марка.

24) тарху ўре.

Записать мнѣ удалось 2 былины, 10 сказокъ, 32 пѣсни и 137 загадокъ и пословицъ.

Кромѣ того я все время велъ дневникъ и дѣлалъ фотографическіе снимки.

Отчетъ члена Венгерскаго Комитета, Юлія Мессароша, о поѣздкѣ къ чувашамъ и приволжскимъ татарамъ.

Осенью 1906 г. я былъ командированъ Венгерскимъ Комитетомъ на Волгу, съ цѣлью изученія столь важнаго для венгерской филологіи чувашскаго языка и народа, говорящаго на этомъ языкѣ, главнымъ же образомъ для собиранія чувашскаго лексическаго матеріала на возможно болѣе обширной территоріи.

Для необходимыхъ подготовительныхъ работъ, я сначала поселился въ Казани, гдѣ и прожилъ до весны 1907 г., пока дороги въ Приволжьѣ стали доступны и я могъ покинуть зимнія квартиры и познакомиться съ чувашами въ ихъ собственныхъ жилищахъ. Изученіе чувашскаго языка я началъ уже въ Казани, занимаясь съ учениками тамошней учительской семинаріи грамматикой, записями словъ и чтеніемъ текстовъ. По мѣрѣ того, какъ подвигались занятія, все болѣе выяснялась необходимость ближе ознакомиться съ языкомъ приволжскихъ татаръ, тѣмъ болѣе, что чувашскій языкъ въ продолженіе столѣтій находился подъ его вліяніемъ; оно продолжается и понынѣ, такъ что безъ знанія татарскаго языка невозможно основательно изучить чувашскій. Итакъ, еще въ Казани я принялся за записи и изученіе татарскаго языка и освоился, какъ съ разговорнымъ, такъ и съ литературнымъ языкомъ; до конца путешествія я не прерывалъ сношеній съ татарами. Для завершенія моихъ занятій и записей по татарскому языку, я отправился ранней весной въ татарскую деревню Тюбентъ-Корса,

въ 75 верст. отъ Казани, и провелъ тамъ 1½ мѣсяца. Впродолженіе этого времени я дополнилъ матеріалъ для словаря и собралъ много образцовъ народной поэзіи, татарскихъ суевѣрій и формулъ заклинаній. Отсюда черезъ Казань я направился внизъ по Волгѣ въ область распространенія чувашскаго языка, въ деревню (Симбирской губ.) Тайба Таушево; она лежитъ приблизительно въ центрѣ южно-чувашскаго діалекта (Анатри), главнымъ образомъ того нарѣчія, которое выработалось въ литературный языкъ чувашей и, по сравненію съ сѣверно-чувашскимъ діалектомъ (Вирьяль), въ наиболѣе чистомъ видѣ сохранило первобытныя особенности. Большая часть лѣта прошла въ записяхъ для словаря и собираніи образцовъ народной поэзіи; я часто дѣлалъ поѣздки въ окружныя деревни по рѣкѣ Свѣягѣ, пользуясь каждой возможностью пополнить мой татарскій словарь и собраніе народной поэзіи, когда случалось попадать въ татарскія деревни, разсѣянные, какъ островки. Я дѣлалъ это тѣмъ охотнѣе, что у симбирскихъ татаръ въ языкѣ и обычаяхъ сохранилось много древнихъ особенностей, общихъ съ чувашами, и которыя мы напрасно стали бы искать у татаръ казанскихъ. У татаръ-мусульманъ здѣсь сохранились древнія жертвоприношенія и молитвы языческаго времени, которыя русскіе изслѣдователи до настоящаго времени встрѣчали только у татаръ-христіанъ.

Въ концѣ лѣта я передвинулся дальше на югъ Симб. губ., все еще въ предѣлахъ діалекта Анатри, въ деревню Улгашъ къ чувашамъ-язычникамъ, которыхъ теперь можно очень рѣдко встрѣтить. Въ языкѣ ихъ встрѣчается мало уклоненій отъ обыкновеннаго произношенія Анатри, но зато у нихъ сохранилось много первобытнаго и остатковъ язычества и волшебства. Отмѣтить эти остатки — настоящий долгъ современнаго изслѣдователя, ибо они исчезаютъ одинъ за другимъ, и даже среди стариковъ начинаютъ исчезать воспоминанія о прошломъ. Остатки язычества у южныхъ чувашей особенно интересны потому, что первобытная религія народа сохранилась здѣсь въ самомъ чистомъ видѣ; на сѣверѣ же съ давняго времени сказывалось вліяніе ислама и православія. Я здѣсь записалъ весь строй чувашской міеологіи съ преданіями, молитвами и жертвоприношеніями, а такъ какъ мнѣ удалось привлечь къ моимъ занятіямъ чувашскаго знахаря, то въ моихъ рукахъ оказался богатый и интересный матеріалъ по колдов-

ству, о которомъ мы до сихъ поръ имѣли недостаточныя и невѣрные представленія. Наряду съ записью языческихъ обрядовъ и церемоній чувашей при свадьбѣ, рожденіи и погребеніи, я пополнилъ мое прежнее собраніе народной поэзіи новымъ богатымъ матеріаломъ.

Послѣ этого я покинулъ область нарѣчія Анатри и, пересѣкая съ короткими остановками всю область расселенія южныхъ чувашей въ сѣверномъ направленіи, вернулся въ Казань, частью, чтобы отдохнуть, частью, чтобы сохранить въ безопасномъ мѣстѣ мое значительное собраніе рукописей. Межъ тѣмъ наступила уже поздняя осень, и я поспѣшилъ уѣхать изъ Казани, чтобы до морозовъ успѣть подняться вверхъ по Волгѣ въ Чебоксары. Отсюда я хотѣлъ начать мою зимнюю экспедицію. Планъ мой былъ: изъ Чебоксарскаго уѣзда направиться на западъ къ рѣкѣ Сурѣ и изучить всю область распространенія Вирьяльскаго нарѣчія, въ особенности тѣ мѣста, гдѣ еще не работали собиратели и изслѣдователи.

Въ Чебоксарскомъ уѣздѣ я прожилъ болѣе двухъ мѣсяцевъ и объѣздилъ всѣ деревни, на которыя указывали полученныя мною тамъ свѣдѣнія, какъ на наиболѣе интересныя, и въ которыхъ лучше всего сохранялись воспоминанія о язычествѣ и о старинѣ.

Дольше всего я прожилъ въ Вомбу-касси и Різѣк-Кагазова. Въ области сѣвернаго чувашскаго языка я имѣлъ случай наблюдать поразительное богатство отдѣльныхъ нарѣчій; почти каждая деревня отличается въ какомъ-нибудь отношеніи отъ сосѣдней, и я особенно тщательно записывалъ эти различія и провинціализмы.

Отсюда я направился на западъ, въ Козьмодемьянскій уѣздъ и по дорогѣ остановился на 2 недѣли въ Чандерѣ (на картѣ Сундырь), гдѣ уже замѣчается вліяніе черемисскаго языка, которое все усиливается, чѣмъ дальше подвигаешься на сѣверо-западъ. Пограничнымъ пунктомъ чувашскаго языка служитъ Пошкыртъ вблизи Суры; языкъ здѣсь въ грамматическомъ строѣ и фонетикѣ представляетъ столько уклоненій отъ Анатри и Вирьяльскаго, что его почти можно считать за отдѣльный діалектъ; черемисское и татарское вліяніе сильно сказываются въ немъ. Собравъ богатый матеріалъ по нарѣчіямъ и образцы народной поэзіи, я изъ Пошкырты направился на югъ въ Ядринскій уѣздъ, гдѣ языкъ почти не представляетъ уклоненій отъ обыкновеннаго Вирьяльскаго нарѣчія. Я проѣхалъ весь уѣздъ съ болѣе или менѣе

долгими остановками и затѣмъ перешелъ въ Цивильскій уѣздъ, гдѣ пробылъ нѣсколько дней въ Чуттеѣ (на картѣ — Чутѣево); здѣсь опять область нарѣчія Анатри, и приблизительно проходитъ граница между сѣверными и южными чувашами. Оставался еще Симбирскъ и знаменитая чувашская школа въ Симбирскѣ, ученики которой служатъ представителями всѣхъ чувашскихъ нарѣчій, включая сюда уфимскихъ и самарскихъ колонистовъ. Меня интересовали главнымъ образомъ послѣдніе, п. ч. я имѣлъ намѣреніе познакомиться, если это стоило, съ уфимскими чувашами, но собранныя мною свѣдѣнія и личныя наблюденія показали мнѣ, что языкъ уфимскихъ и самарскихъ чувашей ничѣмъ не отличается отъ языка родины чувашей — праваго берега Волги. Чуваша стали селиться на лѣвомъ берегу только послѣ Пугачевского бунта, т. е. 100 — 120 лѣтъ тому назадъ, такимъ образомъ всѣ эти поселенія недавнія и въ языкѣ и обычаяхъ сходны съ коренной областью.

Въ Симбирскѣ окончились мои филологическія и этнографическія изслѣдованія среди чувашей, а вмѣстѣ съ тѣмъ закончилась и моя миссія, и я сталъ собираться домой. Захвативъ оставленные въ Казани рукописи, я вернулся въ Венгрію въ концѣ февраля 1907 года.

Теперь перехожу къ отчету о собранныхъ мною матеріалахъ. Чувашскій лексическій матеріалъ обнимаетъ всѣ діалекты этого языка и даетъ полное представленіе объ ихъ развѣтвленіяхъ. Я придавалъ особую важность изученію діалектовъ и записи словъ, такъ какъ оно и было цѣлью моей экспедиціи и важнѣйшей задачей ея. Собраніе чувашской народной поэзіи обнимаетъ всѣ роды проявленія народнаго духа и распадается на слѣдующія группы: 507 пословицъ, 224 загадки, 787 пѣсень. Послѣднія носятъ исключительно лирическій характеръ; отъ эпическаго творчества въ чувашской народной поэзіи не осталось и слѣда, но это еще не служитъ доказательствомъ, что его вовсе не было. Въ различныхъ мѣстностяхъ мнѣ довелось слышать отъ стариковъ, что существовала длинная, длинная пѣсня о взятіи Казани (*Хозан tortsā il'ne jorǵe*), но теперь ея больше никто не знаетъ. По всей вѣроятности, это была длинная эпическая поэма о послѣднихъ войнахъ и паденіи татарскаго царства. Это было важнымъ и печальнымъ событіемъ въ жизни чувашей, потому что вмѣстѣ съ русскимъ завоеваніемъ и чуваша лишились возможности продолжать тотъ болѣе неза-

висимый образъ жизни, который вели при татарскихъ ханахъ. Легенды, которыя я слышалъ въ Цивильскомъ и Буинскомъ уѣздахъ, служатъ, вѣроятно, отрывками изъ древней эпической поэмы, такъ сказать, эпилогами забытаго эпоса. Одинъ изъ вариантовъ повѣствуетъ слѣдующее: «Когда русскія полчища уже взяли Казань, татарскій *ratšā* попросилъ русскаго *ratšā* исполнить его послѣднее желаніе; русскіе согласились, и татарскій *ratšā* пошелъ въ мечеть, взявъ свою лютню и, стоѧ на вышкѣ мечети, сталъ играть пѣсню; она была такая жалостная и печальная, что тронула сердце всѣхъ воиновъ: русскіе и татары пали на колѣни и плакали; тогда *ratšā* началъ играть другую пѣсню — веселую, и всѣ воины начали плясать. И третью пѣсню онъ запѣлъ, и опять всѣ плакали и рыдали. Тогда *ratšā* разбилъ свою лютню о стѣну, обратился въ лебедя и улетѣлъ на югъ на берегъ «молочнаго озера». Внуки его живы и донинѣ, они ждутъ, не дождутся, вернуться опять въ Казань и изгнать русскаго *ratšā* (*šəñ-el'vūš* — Цивильскій уѣздъ).

Это какъ-бы заключительный аккордъ утраченной поэмы о взятіи Казани. Лирическія пѣсни распадаются на: 1) пѣсни общественныя, 2) свадебныя, 3) пивныя, 4) солдатскія, 5) прядильныя, 6) пѣсни поминальныя, 7) пѣсни во время масленицы, 8) пасхальныя, 9) рождественскія и 10) дѣтскія. Чуваши вообще охотники до пѣнныя, но родиной настоящихъ и лучшихъ пѣсенъ надо считать Анатри-чувашскую область, особенно мѣстность около Буинска. У вирьяловъ лирическія произведенія хуже: они по большей части напѣвають или мурлычатъ безъ словъ, но, если и есть текстъ въ пѣснѣ, то въ немъ мало чувства и огня, а содержаніе большей частью неприличное. Самыя интересныя — это оригинальныя пивныя и поминальныя пѣсни. Хмель отъ выпитаго меда и печаль при погребеніи будятъ въ душѣ чуваша звуки, въ которыхъ горячее чувство и тоска разлуки сливаются съ наивною непосредственностью и житейской мудростью.

Есть еще разрядъ стихотворныхъ произведеній — это *такмак*, свадебныя и дѣтскія пѣсни, которыя по красотѣ и наивности должны занять первенствующее мѣсто въ народной поэзіи чувашей; у меня есть образцы ихъ, причемъ наиболѣе непосредственные принадлежатъ чувашамъ-язычникамъ.

Сказками чуваша богаты: я записалъ ихъ 50, длинныхъ и корот-

кихъ изъ различныхъ мѣстностей; между ними есть сказанія о герояхъ, сказки о плѣшивыхъ и басни. Разсматривая ихъ содержаніе и дѣйствующихъ лицъ, поражаешься сходствомъ ихъ, въ большей части случаевъ даже полной тождественностью съ татарскими. Съ венгерскимъ міромъ сказокъ чувашскій имѣетъ также много общаго.

Наиболѣе цѣннымъ отдѣломъ чувашской народной поэзіи является собраніе текстовъ, относящихся къ первоначальной вѣрѣ ихъ. Я занимался этимъ вопросомъ съ особенной любовью и изучалъ возможно подробнѣе эти скрытыя, но зато самыя раннія сокровища народнаго духа. Я собиралъ сказанія и легенды о миѣическихъ существахъ, преданія о стихіяхъ, небесныхъ тѣлахъ, явленіяхъ природы, о животномъ и растительномъ царствѣ. Я записалъ порядокъ и послѣдовательность языческихъ жертвоприношеній и праздниковъ и молитвы, конечно, въ оригиналѣ. Смерть, погребеніе, празднества въ честь мертвыхъ, загробный міръ, народныя вѣрованія и обычаи, связанные съ ними, составляютъ слѣдующую главу въ моемъ собраніи. Знахарствомъ и колдовствомъ я также подробно занимался; различными путями мнѣ удалось сойтись со многими знахарями, которые посвятили меня въ свою науку, и я записалъ около 100 заклинаній и магическихъ молитвъ. Глава о предсказаніяхъ и толкованіи сновъ дополняютъ собранный мною матеріалъ по древней чувашской вѣрѣ.

Что же касается собранія народной поэзіи приволжскихъ татаръ, то я укажу кратко въ цифрахъ, что я записалъ: 272 пословицы, 74 загадки, 390 пѣсень, 12 (эпическихъ) поэмъ, 36 сказокъ, 5 анекдотовъ. Кромѣ того, я изучалъ и суевѣріе среди татаръ, собирая въ различныхъ мѣстностяхъ относящійся сюда матеріалъ и по той же системѣ, какъ у чувашей. Въ Симбирскѣ у татаръ-мусульманъ я нашелъ остатки жертвоприношеній и молитвъ изъ языческой эпохи, о которыхъ мы до сихъ поръ не имѣли свѣдѣній; въ этой области нѣкоторые слѣды были найдены русскими изслѣдователями только у татаръ-христіанъ.

Я имѣю богатые записи словъ и даже матеріалъ для цѣлаго татарскаго словаря, при чемъ мною обращено вниманіе на различные діалекты, такъ какъ во время поѣздокъ къ чувашамъ я не упускалъ случая записывать татарскіе слова и тексты на всякомъ встрѣченномъ мною татарскомъ островкѣ.

Въ заключеніе, спѣшу выразить благодарность Венгерскому Комитету Международнаго Союза, который своей нравственной и матеріальной помощью въ теченіе 1½ лѣтъ способствовалъ успѣху моей экспедиціи. Съ благодарностью вспоминаю всѣхъ, въ комъ встрѣтилъ доброжелательную поддержку моимъ научнымъ стремленіямъ, и прежде всего ученыхъ: гг. Радлова, Катанова и Ашмарина, которымъ и приношу мою искреннюю благодарность за дружеское отношеніе и содѣйствіе.

Поѣздка секретаря консульства въ Урумчи Б. В. Долбежева къ развалинамъ Бишбалыка.

(Изъ письма къ В. Л. Котвичу.)

Я выполнялъ Ваше порученіе относительно Бишбалыка и пути Ван-янь-дэ и, кажется, не безъ результатовъ. Пройти изъ Турфана на сѣверъ черезъ горный хребетъ мнѣ, къ сожалѣнію, не удалось, и я сдѣлалъ лишь часть этого пути въ обратномъ направленіи.

Я выѣхалъ изъ Урумчи вмѣстѣ съ коммерсантомъ В. П. Портныхъ 29 августа. Въ Джимисарѣ намъ сразу сказали, что въ 20 лиш-комъ ли къ сѣверу, недалеко отъ селенія Ху-пу-дзы (правильнѣе, Хоу-бад-дзы 后堡子) есть развалины древняго города, здѣсь у всѣхъ онѣ извѣстны подъ именемъ По-чэн-дзы (П'о-ч'оң-зы 破城子).

Развалины грандіозны по своимъ размѣрамъ. По снятіи съ нихъ плана оказалось, что въ окружности городъ былъ около 4 верстъ; сохранились остатки многихъ башенъ; высота двухъ изъ нихъ доходитъ до 30 аршинъ. Ширина стѣнъ и сейчасъ во многихъ пунктахъ равняется 15 аршинамъ. Весь городъ глинобитный; верхушки строеній и своды были доложены сырцовымъ кирпичемъ большой величины. Вся сѣверная стѣна города представляетъ огромный глинобитный валъ, въ которомъ были устроены сводчатыя пещеры-комнаты. Я насчиталъ ихъ 64. Онѣ были нѣкогда выштукатурены известкой, на которую затѣмъ положена глиняная штукатурка. Кое-гдѣ въ пещерахъ остатки постаментовъ, на которыхъ помѣщались статуи; кое-гдѣ ниши, гдѣ, вѣроятно, были живописныя изображенія. Сохранилось только одно,

совершенно закопченное дымомъ и залитое потоками растаявшей краски; ничего разобрать нельзя. Думаю, что и это изображеніе не старо, но было нанесено на болѣе древнее, которое и скрылось теперь навсегда подъ слоемъ грубой краски. Въ одной или двухъ пещерахъ—узоры на стѣнахъ въ китайскомъ вкусѣ. Эти—тоже позднѣйшіе. Вообще пещеры видимо были обитаемы до послѣдняго времени, и только дунганскій погромъ окончательно превратилъ городъ въ нѣмое кладбище. Внутри города была цитадель, тоже съ толстыми стѣнками и башнями.

Около города бѣжитъ рѣка съ широкимъ и глубокимъ старымъ русломъ. Она охватываетъ городъ съ двухъ сторонъ и служила естественной защитой, не давая доступа къ стѣнамъ. Съ двухъ сторонъ городъ былъ окруженъ глубокимъ рвомъ. Въ одномъ мѣстѣ, съ восточной стороны города, рѣчка образовала огромное расширеніе. Въ устьѣ его сохранились остатки длинной насыпи, вдающейся въ русло по направленію къ мыску противоположнаго берега. Здѣсь, вѣроятно, была плотина, а расширеніе рѣки образовало тотъ бассейнъ-озеро, по которому плавалъ въ 982 г. въ лодкѣ китайскій посланникъ Ванъ-дэ.

Въ городѣ замѣтны остатки улицъ въ видѣ глубокихъ логовъ-каналовъ. Строенія, вѣроятно, были многоэтажныя и завалившися какъ бы повысили уровень городища, отчего и улицы кажутся каналами.

Въ 300 саженьяхъ къ западу отъ города остатки огромнаго строенія, вѣроятно, монастыря. Горизонтальный разрѣзъ его имѣлъ форму буквы П; съ внѣшней и внутренней сторонъ этого зданія были расположены ярусы пещеръ; ярусовъ было не менѣе 5. Внутренняя часть строенія завалена обрушившимися сверху глыбами глины—тутъ будетъ работа археологу; на внѣшней сохранились только заднія стѣны пещеръ, да и то кое-гдѣ.

Вся руина окружена пашнями, обступившими ее вплотную. Глину изъ города и монастыря разбираютъ на удобреніе полей. Пятая часть города уже занята пашнями. Китайцы-пахари, устраивая новыя пашни, нашли въ районѣ описываемыхъ развалинъ 4 предмета: каменный шаръ пудовъ пяти вѣсомъ, каменную статуэтку будды съ отломленной головой и двѣ каменныхъ головы. Одна изъ послѣднихъ

хорошо сохранилась; лицо со спокойнымъ, холоднымъ выраженіемъ, она вѣситъ около 3 пудовъ и размѣрами втрое больше нормальной головы человѣка. Когда именно были сдѣланы эти находки и въ какомъ мѣстѣ, — никто точно сказать не могъ, но всѣ сходились на томъ, что вещи привезены изъ По-чэн-дзы. Я нашелъ ихъ въ одной изъ 3 кумиренъ въ селеніи Ху-пу-дзы. Слѣдуетъ однако замѣтить, что одинъ китаецъ заявилъ, будто вещи найдены не въ развалинахъ города, а выкопаны изъ земли въ самомъ Ху-пу-дзы, когда рыли фундаментъ названной кумирни. Статуэтку и обѣ головы удалось приобрѣсти.

Мы провозились въ По-чэн-дзы дней пять и затѣмъ ушли въ Гу-чэнъ прямой дорогой. Около Гу-чэна два городища, но они — ничто въ сравненіи съ По-чэн-дзы. Я буду называть ихъ № 1 и № 2. № 1 примыкаетъ къ самому Гу-чэну. Его юго-западный уголъ срѣзанъ стѣной новой китайской крѣпости и заполненъ постройками. Площадь его въ три раза менѣе По-чэн-дзы. Стѣны лишь въ нѣкоторыхъ мѣстахъ намѣчаются валообразнымъ поднятіемъ почвы. Всего сохранилась одна глиняная глыба-башня въ срединѣ сѣверной стѣны. Всѣ развалины скрыты и развезены по пашнямъ. Въ землѣ часто находятъ серебряныя монеты и маленькихъ бронзовыхъ бурханчиковъ. Монеты я приобрѣлъ, но бурханчика найти не удалось.

№ 2 лежитъ въ 4—5 верстахъ отъ Гу-чэна близъ дороги въ Ци-тай; онъ немного меньше № 1; имѣетъ форму почти правильнаго квадрата; 4 воротъ. Стѣны сохранились лучше, чѣмъ въ № 1. Въ срединѣ замѣтны остатки построекъ; поверхность городища слегка волнообразна, — слѣды развалинъ домовъ. Въ этомъ отношеніи По-чэн-дзы представляетъ иное явленіе: все пространство внутри стѣнъ, за исключеніемъ, конечно, распаханной части, представляетъ огромную площадь, сплошь покрытую ямами различной глубины и формы съ приподнятыми краями; внутренность ямъ — провалы потолковъ; приподнятые края — разрушившіяся стѣны.

Изъ Гу-чэна я возвратился въ Джимисаръ, осмотрѣлъ кумирню «Тысячи Буддъ», о которой пишетъ Г. Е. Грумъ-Гржимайло въ III т. своего «Описанія путешествія въ Западный Китай», и сдѣлалъ тамъ нѣсколько снимковъ. Тѣхъ снимковъ, что далъ Грумъ-Гржимайло С. А. Федоровъ, я уже не могъ сдѣлать. Кумирня заново отштукату-

рена и всѣ живописныя изображенія на сводахъ исчезли подъ слоємъ глины. Въмѣсто нихъ всѣ своды устѣяны сотнями глиняныхъ, раскрашенныхъ фигурокъ, насаженныхъ на деревянные иглы. Гвоздь этой кумирни — лежащій будда 11 аршинъ длины. Это древность, но во время реставраціи кумирни послѣ дунганскаго погрома отремонтировали и будду. Кумирня напоминаетъ пещеры, но пещеры эти искусственныя.

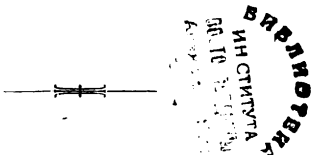
Осмотрѣвъ кумирню «Тысячи Буддъ», мы направились на Турфанъ. Прежде всего обслѣдовали предгорья, но никакихъ остатковъ древности тамъ не нашли. Предгорья — культурная полоса. Масса пашенъ, займокъ, даже сель съ кумирнями, базарами, китайскими лавками. До селенія Цюань-дзы-гяй (Цуан-зы-гяй 泉子街), отстоящаго отъ Джимисара въ 25—27 верстахъ, есть изъ Гу-чэна и Джимисара колесный путь. Отъ Цюань-дзы-гяй начинается горная тропа, почти до самаго перевала, идущая вверхъ по рѣчкѣ Да-ланъ-ку. Передъ началомъ крутого подъема полустанція — дянь «Сы-дао-цяо» (Сы-даб-ѣао); отъ Цюань-дзы-гяй 14 верстъ. Отсюда до послѣдняго мостика черезъ Да-ланъ-ку 6 верстъ. Отъ мостика начинается самый крутой подъемъ около 2 верстъ. Съ перевала до полустанціи Ши-ю-дзы (Ши-ю-зы) на южномъ склонѣ хребта — 6 верстъ. Почти отъ самаго Цюань-дзы-гяй и до Ши-ю-дзы я шелъ пѣшкомъ. Только послѣднюю версту на перевалѣ усталость заставила меня проѣхать верхомъ. Сѣверный склонъ круче, но подъемъ распределяется равномерно. Южный склонъ до Ши-ю-дзы падаетъ прямо обрывами, но за то отъ Ши-ю-дзы спуска не замѣтно. Отъ Ши-ю-дзы до станціи Санъ-шанъ-коу (Сан-шанъ-коу — здѣсь произносятъ Сан-сан-ку) — 14 верстъ. Здѣсь дорога входитъ въ поперечное ущелье съ рѣчкой Джуван-терекъ или Юган-терекъ (по-сартски). Ледниковъ на перевалѣ не имѣется. Показалось мнѣ, что близъ перевала, на южномъ склонѣ, въ чашеобразной котловинѣ одного изъ боковыхъ хребтовъ имѣется небольшой участокъ льда, но я сильно сомнѣваюсь, чтобы это былъ ледникъ. Незадолго до нашего прохода черезъ горы выпалъ снѣгъ, заполнившій всѣ ущелья и углубленія; онъ сталъ быстро таять, такъ что на перевалѣ снѣга почти не было, но въ защищенныхъ отъ солнца впадинахъ онъ залежался и, подтаивая днемъ, а ночью подмерзая, образовалъ желтоватыя ледяныя

сосульки и льдины, которыя мнѣ удалось видѣть. Отъ Сань-шань-коу дорога идетъ внизъ по Джуван-тереку и, перейдя затѣмъ его лѣвый хребетъ, выходитъ въ Турфанскую долину къ станціи Шапталя. Отсюда до Турфана 90 ли, какъ и до Джуван-терека. Гдѣ отъ Сань-шань-коу до Турфана прошелъ В. П. Портныхъ¹⁾; я же, пройдя вмѣстѣ съ нимъ по Джуван-тереку верстъ пять, свернулъ вправо и вышелъ прямо на Даванчинъ. Верстахъ въ пяти отъ Сань-шань-коу правый хребетъ ущелья Джуван-терека образуетъ сѣдловину, черезъ которую и выходитъ путь на Даванчинъ. Тотчасъ за сѣдловиной небольшая падь, которая ниже прорвала все тотъ же правый хребетъ Джуван-терека и вошла въ него. Западный берегъ этой пади служить линіей водораздѣла для Турфанской и Даванчинской долинъ. Джуван-терекъ выходитъ въ Турфанскую. Прорванный указанной падью правый хребетъ Джуван-терека послѣ прорыва тотчасъ поднимается, принимая видъ довольно значительнаго хребта, и служитъ какъ бы связкой между Богдо-ула и южнымъ Тянь-шанемъ. Отъ Сань-шань-коу до Даванчина 44—45 верстъ.

Вотъ весь мой маршрутъ. По моему мнѣнію, дорога отъ Турфана до Джимисара черезъ Ши-ю-дзы и Цюань-дзы-гяй — это путь Вань-дэ, а По-чэн-дзы — это древній Бишбалыкъ.

Урумчи, 20 сентября 1908 года.

1) В. П. Портныхъ, при разѣздахъ по торговымъ дѣламъ, неоднократно проходилъ по этому пути и ранѣе; онъ первый изъ европейцевъ перевалилъ черезъ описанный перевалъ.

Напечатано по распоряженію Русскаго Комитета для изученія Средней и Восточной Азіи.

Предсѣдатель В. Радловъ.